
Василиса Яровая
Брачная контора госпожи Вейс
ЛЮДИ
ОБОРОТНИ
ДРАКОНЫ
ЭЛЬФЫ
Таблица совместимости
97%
Невеста по таблице
Брачная контора госпожи Вейс.
Книга первая

Василиса Яровая

Невеста по таблице

«Тайниковский»

2026

Яровая В.

Невеста по таблице / В. Яровая — «Тайниковский», 2026

Корделия Вейс умеет находить идеальные пары. Девяносто девять граф, две анкеты — и Таблица покажет, есть ли у любви шанс. За шестьдесят три года работы конторы Вейс не распался ни один союз.Но теперь на пороге Корделии появляется Северин Хорн — медный дракон, которому за тридцать дней нужно найти жену. Иначе он потеряет наследство, а Корделия — дом, контору и дело всей своей семьи.Задача кажется простой, пока Таблица не выдает невозможные девяносто семь процентов совместимости. Северин подходит Корделии лучше всех — и именно поэтому она не может выбрать его: свахе запрещено выходить замуж за собственного клиента.К тому же кто-то подделывает анкеты, срывает смотрины и словно заранее знает каждый шаг Корделии. Пока она ищет дракону невесту, ей предстоит понять, кому выгоден чужой брак — и что делать, если единственное чувство, которое нельзя посчитать, уже вмешалось в расчёты.

© Яровая В., 2026
© Тайниковский, 2026

Содержание

Глава 1. Сто процентов и ни гроша 6
Глава 2. Клиент без анкеты 13
Глава 3. Девяносто девять граф 21
Глава 4. Образец заполнения 29
Глава 5. Список невест 36
Глава 6. Ужин с огнём 44
Глава 7. Невеста № 1, эльфийка 51
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Невеста по таблице

Глава 1. Сто процентов и ни гроша

Сваха отвечает за союз так же, как мостовой мастер за мост: если по нему никто не ходит, это ещё не значит, что он хороший.

Кодекс свахи, предисловие к первому изданию. Приписывается Лукреции Вейс

Оборотень потел.

Я отметила это сразу, как только он вошёл в смотровую, снял шляпу и тут же надел её обратно, потому что не знал, куда деть руки. Крупный мужчина, плечи шире дверного проёма, на лбу испарина, хотя в комнате было прохладно: я с утра открыла окно на Сиреневую, и оттуда тянуло мокрой брусчаткой и свежим хлебом из пекарни на углу. Графа 12, «волнение при первой встрече»: высокое. Графа 13, «способность это скрыть»: отсутствует.

Я выдвинула для него самое прочное кресло.

— Присаживайтесь, господин Бранн. Госпожа Кремень будет через минуту, она поправляет причёску.

Это было правдой лишь наполовину. Хильдегарда Кремень, сорок восемь лет, вдова, сидела этажом ниже, в приёмной, и в третий раз пересчитывала опись приданого. Волосы она уложила ещё дома, а своё добро собиралась предъявить жениху лично, в виде таблицы с итоговой строкой. Гномы и оборотни сходятся лучше, чем принято думать: и те и другие ценят прямоту, терпеть не могут пустых разговоров и ни при каких обстоятельствах не разводятся. Первые потому, что это означает раздел имущества, вторые потому, что пару выбирают один раз, как стаю.

Над дверью тренькнул колокольчик. Старый, бабушкин, поменьше гильдейского, что висел внизу над моим столом, но звенели оба в одном-единственном случае: когда в комнате кто-нибудь врал.

Господин Бранн вздрогнул всем своим немалым телом.

— Это не я! — выдохнул он.

— Конечно, не вы. Это я, про причёску.

Он поглядел на меня с новым уважением. Оборотни ценят честность больше, чем гномы, и почти так же, как мясо. Графа 41, «отношение к открытому признанию ошибки»: положительное, с огоньком. Я сделала пометку в блокноте зелёными чернилами и решила, что у этой пары будет хороший дом. Шумный, сытный, с бухгалтерской книгой на кухонном столе и запасом сырой говядины в погребе.

В смотровую вошла Хильдегарда. Ниже жениха на две головы, в бордовом платье, с косами, уложенными короной, и с папкой под мышкой. Бранн вскочил так резко, что опрокинул кресло, и покраснел до ушей. Гномка обвела его взглядом снизу вверх, как стену, которую собираются купить: медленно, с особым интересом к фундаменту.

— Хорошая кость, — сообщила она мне.

— Я предупреждала.

Хильдегарда подала Бранну руку так, как протягивают договор на подпись.

— Хильдегарда Кремень. Две лавки, касса и восемь тысяч в облигациях Королевского займа. Детей нет. Храплю. Что у вас?

Господин Бранн поднял кресло, поставил его на место, открыл рот, закрыл и наконец выдавил:

— Лесопилка. Половина, брат держит вторую. Не храплю, но в полнолуние вою. Тихо. Почти.

Колокольчик промолчал. Я перевела дух.

Дальше можно было не сидеть. Свахе полагается присутствовать на первых смотринах, пока стороны не обменяются главным, а эти двое уже всё выложили. Я поднялась и напом-

нила, что чай на столике, звонок для меня у двери, а госпожа Кремень в любую минуту может взять первое слово по статье шестнадцатой Кодекса, жених — второй взгляд по семнадцатой. Меня не слушал ни один. Хильдегарда раскрыла папку, Бранн склонился над ней, и, выходя, я услышала, как он спросил, почём в Арвене погонный метр дубовой доски, а она ответила, не заглядывая в бумаги.

Сто процентов, подумала я на лестнице. Ну, девяносто четыре по Таблице, но для оборотня разница несущественна.

Седьмая ступенька скрипнула, как всегда. Ругать её я давно перестала: она скрипела в этом доме дольше, чем я жила на свете.

* * *

Приёмная конторы Вейс занимала весь первый этаж узкого дома на Сиреневой улице, и по утрам, до клиентов, я любила её больше любого другого места в Арвене. Солнце лежало полосой на паркете. Вдоль левой стены тянулись дубовые ящики картотеки с латунными табличками: «Люди А–Л», «Люди М–Я», «Драконы», «Эльфы светлые», «Эльфы сумеречные», «Оборотни», «Гномы», «Феи и прочие». В самом низу, в углу, стоял ящик без надписи, где хранились карточки тех, кто умер, уехал или передумал. Две тысячи сто сорок анкет: столько людей, нелюдей и полулюдей однажды сели в кресло у моего стола и честно, под колокольчик, рассказали, как храпят, чего боятся, сколько у них денег и что думают о чесноке.

Над картотекой висела бабушка.

— Ну, сосватала? — она не дала мне даже прикрыть за собой дверь.

Портрет Лукреции Вейс написал мастер Ольден, когда ей было шестьдесят, и выглядела она на нём как женщина, которая знает о вас всё и прощать не намерена. Лиловое платье, кружевной воротник, веер в одной руке, лорнет в другой. Лорнет она поднимала, когда сомневалась. Сейчас подняла.

— Гномка оценила его кость, — доложила я. — Назвала хорошей.

Бабушка опустила лорнет и с удовольствием откинулась в нарисованном кресле.

— Я же говорила, что гномки любят крупных. А ты хотела отдать её сапожнику.

— У сапожника по Таблице было восемьдесят девять, — возразила я. — А у Бранна в анкете графа «вой» стояла пустой.

Бабушка сложила веер и постучала им по раме. «Птичкой» она звала меня в хорошем настроении, а веселее всего ей становилось перед тем, как доказать мне, что я неправа.

— Птичка, ты пятый год ведёшь контору и до сих пор думаешь, что люди заполняют графы, а не наоборот. Вой у оборотня! Что ты надеялась там увидеть?

Спорить с бабушкой бесполезно. Посмертные портреты не устают и не хотят спать, а последнее слово всегда остаётся за ними: уйти из рамы они могут, а ты из комнаты, оказывается, нет. Бабушка умерла два года назад, в девяносто один год, в своей постели, за десять минут до того, как ей принесли чай. Выпить его она так и не успела и до сих пор вспоминала об этом с обидой. Портрет она заказала себе заранее, выбрала мастера, раму, платье и кружево, оплатила лицензию на посмертное пребывание и в завещании отдельной строкой указала: «Из приёмной не снимать, за картотекой надо присматривать». Я и не думала. Картотека была под надзором. И я тоже.

Я села за стол, отложила стопку анкет и раскрыла журнал приёма. Колокольчик над головой качнулся от сквозняка и тихо звякнул.

— Это не я.

— Это дверь, — отозвались из-за перегородки. — И ваш голубь опять прогрыз мне нарукавник.

Голос у Гримбальда Шпата шёл будто из-под земли, и недаром: его кабинет за резной ширмой был самым тёмным углом дома, и перенести стол к окну он не соглашался ни за что. Гномы любят темноту, тесноту и счёт. Бухгалтером в конторе Гримбальд служил уже сорок

лет, ещё при бабушке. Он помнил меня в пелёнках. Ему было сто сорок, и по его меркам я выбралась из колыбели позавчера.

Купидон достался конторе от Гильдии вместе с лицензией, кольцом на лапе и правом носить контракты в Палату союзов без очереди. Птица казённая, ни продать, ни сменить. Толстый, сизый, с розовыми лапами и характером старой ростовщицы. Почту он доставлял исправно, в любую погоду, а в остальное время кусал всё, до чего дотягивался. Бабушка утверждала, что он трогает только тех, кто кому-нибудь не пара. Гримбальда он кусал постоянно.

— Купидон, нарукавники стоят денег, — напомнила я.

Голубь отвернулся и принялся чистить перо.

Из-за ширмы вышел Гримбальд с амбарной книгой под мышкой. Книга была с латунным замком, вела контору со дня основания и, по моим подсчётам, пережила трёх бухгалтеров и одно наводнение. Борода у гнома была заплетена в три косы с медным кольцом на каждой, а на носу сидели круглые очки, которые он снимал в двух случаях: чтобы протереть и чтобы сообщить плохие новости. Сейчас он подышал на стёкла и так и не достал платок.

— Кстати, о деньгах.

У меня в животе стало холодно.

— Двадцать девять дней, госпожа Корделия, — объявил он.

— Я помню.

— Тысяча двести союзов.

— Мне это снится каждую ночь, Гримбальд.

— А сколько у нас на счету, вы тоже помните?

Помнила, конечно. Кто задаёт вопрос, ответ на который известен обоим, хочет услышать его вслух. Гном терпеливо ждал.

— Триста восемь.

— Триста шесть, — поправил он. — Я заплатил за овёс.

— У нас нет лошади.

— У нас есть голубь, — Гримбальд посмотрел на Купидона так, будто тот лично подписывал закладную. — А ест он за лошадь. Непроизводительные расходы.

Купидон, не прерывая чистки, повернулся к нему хвостом.

Через двадцать девять дней исполнялся ровно год с тех пор, как я подписала в гномьем банке «Золотохват и сыновья» закладную на дом. Крыша текла так, что в смотровой стояли три ведра, пианино набухло и перестало играть «ре», а гильдейская аттестация, которая бывает раз в пять лет, требовала «приличного помещения, соответствующего достоинству ремесла». Мадам Кляйн из Гильдии лично приходила посмотреть на мои вёдра и разглядывала их с большим удовольствием. Теперь крыша была новой, «ре» звучало снова, аттестация ждала через тридцать дней, а платить по закладной я собиралась из гонораров свадебного сезона.

Но клиенты не шли. В Шиповник, лучший месяц для помолвок, ко мне заглянули гномка с оборотнем, фея (по вторникам, предоплата) и три человеческие дамы, мечтавшие о муже с крыльями, которых я отправила домой с советом выпить чаю и подумать ещё раз. Драконы в картотеке у меня были. Жену ни один из них не искал.

Зато у «Свадебного дома Корро» на бульваре Белых лип, где сватали по гороскопам, стояла очередь. В «Вестнике Арвена» под её объявлениями с золотым обрезом неизменно помещалась колонка сплетен «Шёпот за фатой» за подписью «Мадемуазель Вуаль», где жалели старомодные конторы нижнего города, которые «до сих пор считают любовь по таблицам, как картофель на складе».

Я действительно так считала. И ни одна моя пара не развелась, как и ни одна бабушкина и мамина. Шестьдесят три года без единого расторжения стояли у нас на вывеске словами «сто процентов», и в этой цифре я была уверена так же, как в том, что седьмая ступенька скрипит. У Корро за последний год распалось одиннадцать союзов, Гильдия трижды её штрафовала, а

к ней всё равно шли. Гороскоп сулил судьбу, я обещала совместимость по девяноста девяти графам. На бульваре это звучало лучше.

— Что вы предлагаете? — спросила я Гримбальда.

— Продать пианино, — буркнул гном.

— Оно только что снова заиграло «ре».

— Тем лучше. С «ре» оно стоит дороже.

— Гримбальд, я на нём училась.

Гном надел очки, и это означало, что разговор перешёл в деловую часть.

— Тогда найти клиента. Одного, но крупного: драконьего, эльфийского, графского. Такого, чтобы гонорара хватило на долг и осталось на аттестацию. Иначе через двадцать девять дней сюда придут «Золотохват и сыновья» описывать имущество, и начнут они с картотеки.

— Картотеку не тронут, — отрезала я. — По закону она собственность Гильдии.

— Тогда с вашей бабушки.

Бабушка, которая всё это время делала вид, что разглядывает веер, подняла лорнет.

— Пусть попробуют. Я переберусь в натюрморт с грушами.

— Груши тоже опишут, — мрачно заметил Гримбальд.

Колокольчик над моим столом молчал. Никто не врал. В этом и была беда.

* * *

К полудню гномка и оборотень спустились из смотровой вдвоём, и всё стало ясно по тому, как Хильдегарда держала Бранна под руку и как он нёс за ней её папку. Я составила предварительный договор, проставила проценты (девяносто четыре по Таблице, тариф «Народы разные, сердце одно», двадцать союзов, десять сразу), выдала Купидону футляр с бумагами для Палаты и проводила пару до двери. На пороге Бранн обернулся и неловко поклонился.

— Спасибо. Я думал, меня никто не возьмёт. С воем.

— Вас уже взяли, господин Бранн. И, по-моему, с удовольствием.

Хильдегарда, не выпуская его локтя, наклонила голову так, как гномы делают при закрытии хорошей сделки: коротко, с достоинством и чуть дольше, чем нужно. Я стояла на крыльце и смотрела, как они уходят вниз по Сиреневой, огромный оборотень и маленькая гномка в бордовом, и внутри у меня было тепло и спокойно, как бывает всякий раз, когда графы сходятся. Это чувство я ценила в ремесле выше всего. Не свадьбы, не благодарственные письма, не торты с моим именем. Вот это: когда девяносто девять ответов двух чужих людей ложатся друг на друга, как ключ в замок, и ты знаешь, что дверь откроется.

Любовь тут была ни при чём. Если хотите знать моё профессиональное мнение, это смесь хорошей погоды, недосыпа и общего врага, и выветривается она за три года, если её ничем не подпереть. Опорой служит совместимость: одинаковое отношение к деньгам, готовность терпеть родню друг друга, одна и та же температура в спальне. Когда всё это совпадает, люди живут вместе пятьдесят лет и умирают в один день, держась за руки. Когда нет, их не спасут никакие чувства. Я верила в Таблицу, как другие верят в богов, и она, в отличие от них, ни разу меня не подвела.

— Дорогуша! — завопили справа так, что с куста сирени слетел воробей. — Это что, гномка с оборотнем? Ты их сосватала?

Жози Бланш стояла на пороге своего ателье с подушечкой на запястье и тремя булавками во рту, и говорить ей это ни капли не мешало: она так прожила последние десять лет. «Фата-моргана», где шили свадебные платья, занимала соседний дом справа, и в витрине у Жози всегда стоял манекен в белом.

— Девяносто четыре процента, — похвасталась я.

Жози вытащила изо рта булавки, воткнула их в подушечку и посмотрела вслед парочке.

— Боги! Ему понадобится сюртук, который не лопнет в полнолуние. А ей что-нибудь бордовое, это её цвет. Скажи, пусть зайдут.

— Я им уже дала твою карточку.

— Ты ангел, Делия. Зайдёшь вечером? У меня пирог с ревенем и новая бутылка сладкого.

Я пообещала зайти, если не будет клиентов, хотя мы обе понимали, что их не предвидится: вторую неделю никто не приходил. Про закладную Жози знала. Обо мне ей было известно всё, вплоть до чулок с вышитыми сердечками, которые я носила под серым гильдейским платьем «для тонуса». Три пары она подарила мне на позапрошлый день рождения со словами: «Если ты не собираешься влюбляться, дорогуша, пусть хоть коленки повеселятся». Им действительно было весело. Об этом не догадывался никто, кроме Жози и, возможно, бабушки, которая однажды, когда я поднималась по лестнице, обронила из пейзажа с озером: «Миленько».

Жози выходила замуж три раза, столько же раз разводилась, и ни один из её браков не прошёл через сваху. Шутила об этом в основном она сама.

— Когда-нибудь я сяду к тебе в кресло, и ты подберёшь мне мужа на девяносто девять процентов. А я разведусь с ним через год, потому что мне будет скучно.

— Если пара продержится год, Гильдия выдаёт мне премию. Ты со мной так не поступишь.

— Ради тебя потерплю два.

Слева, у похоронной лавки венков, вышел на крыльцо господин Мёрк, худой, седой и меланхоличный, в чёрном сюртуке. Он приподнял шляпу, как делал каждый день.

— Добрый день, госпожа Вейс. Если что, у меня скидка на композиции из лилий.

— Спасибо, господин Мёрк. Пока не нужно.

— Никто не знает своего часа, — обронил он, поглядел на небо, сочтя его, видимо, подходящим для похорон, и ушёл в лавку.

От союза до упокоения на одной улице. Бабушка этим даже гордилась.

* * *

После обеда пришла фея.

Звали её Лилу, и ростом она была с мою ладонь в полёте и с меня саму, когда решала, что выглядеть надо прилично. Являлась она по вторникам и всякий раз была влюблена. Сегодня в лейтенанта королевской стражи, которого видела утром у фонтана.

Лилу сидела в кресле для клиентов, болтала ногами и сверкала крыльями.

— Он так смотрел на голубей! Так нежно. Вы понимаете?

— Голуби этого редко заслуживают, — вставила я.

Я вписала в её карточку очередную строчку под заголовком «Предмет». Набралось их там уже сто сорок семь.

— Предоплата, как обычно, пять колец.

— Он, наверное, тоже любит природу, — Лилу высыпала на стол монеты из крошечного шёлкового мешочка. — Вы его найдёте? У него усы. Рыжеватые. И щит.

— Лейтенантов с усами и щитом в Арвене около сорока, — уточнила я.

— Тогда найдите всех! Я выберу.

Лилу упорхнула в окно, по пути чмокнув в макушку Купидона, который не успел её укусить и от неожиданности вывалился из клетки. К следующему вторнику она влюбится в кого-нибудь другого, потому я и брала предоплату. Феи были моим самым надёжным доходом, хотя и крошечным.

Пять колец. Чтобы закрыть долг, нужно было ещё примерно двадцать три тысячи девятьсот девяносто пять таких же.

— Опять считаешь, — бабушка глядела на меня поверх веера.

— Кто-то в этой семье должен держать в голове цифры, — огрызнулась я.

— Цифры держал в голове Гримбальд, птичка. А мы сватали. Это разные вещи.

— Мы сватали по Таблице.

— Когда она показывала то, что мы и так видели, — согласилась бабушка. — А когда нет, смотрели сами. Я тебе сто раз рассказывала про Ормунда Хорна.

Я закатила глаза, чтобы она это видела. Историю Ормунда я слышала не сто раз, а примерно двести. Медный дракон, вдовец, восемьдесят лет назад, в первые годы после Долгой войны, когда его племя ещё не роднилось с людьми, пришёл к ней и потребовал «невесту, которая не испугается». Таблица дала ему девять кандидаток. Бабушка не показала ему ни одной и выдала его за собственную подругу, швею из Нижнего порта, у которой в графе «страхи» стояло: «Мыши. Драконов не боюсь, они не помещаются в кладовку». Они прожили сорок лет. Печать на их контракте горела медью до самой её смерти и, говорят, светилась даже потом, в сокровищнице, где Ормунд хранил его среди золота.

— Он умер, — голос у бабушки стал тише. — Ты читала?

— Весь город читал.

Ормунд Хорн, патриарх Медного клана, умер две недели назад в своём особняке в верхнем городе. «Вестник Арвена» дал некролог на полполосы, а «Мадемуазель Вуаль» под ним гадала, кому достанется клад. Говорили, что богаче Медных в городе только корона.

— Хороший был ящер. Упрямый, как кирпич, а сердце как печка. Мы переписывались, пока я могла держать перо. Знаешь, что было в его последнем письме?

— Предложение руки и сердца? — поинтересовалась я.

Бабушка не ответила. Краски на портрете стали глубже, как бывает, когда день клонится к вечеру, хотя солнце ещё стояло высоко.

— Неважно. Потом узнаешь.

Я хотела спросить, что значит «потом», но тут за ширмой упала амбарная книга, и Гримбальд выругался по-гномьи, длинно и с перечислением родни. Купидон откусил ему кончик косы. Пока я разнимала бухгалтера и голубя, бабушка ушла из рамы. Она всегда так делала, когда не хотела отвечать: переходила в пейзаж в смотровой, садилась на берегу нарисованного озера и притворялась, что её здесь нет.

* * *

К вечеру пришла открытка от мамы.

Почтальон принёс её вместе со счётом за дрова и рекламным листком «Свадебного дома Корро» («Ваша судьба записана в звёздах! Скидка для родившихся под знаком Лебедя!»). Счёт я положила Гримбальду, листок постелила Купидону в клетку, а открытку унесла наверх.

На ней были горы. Синие, со снежными шапками, с маленьким гномьим городком в долине и золотой надписью: «Привет из Каменного Предела!» На обороте круглый торопливый мамин почерк с завитушками на «д» и «у».

«Милая, надеюсь, ты наконец влюбилась! У нас всё прекрасно. Хальвар купил мне аметист размером с куриное яйцо, я ношу его на шее и не могу наклоняться. Гномы ужасно милые, только едят одни грибы. Мы пробудем здесь до осени, а потом, может быть, к феям на острова. Как контора? Как бабушка? Передай ей, что она была неправа насчёт Хальвара. Целую тысячу раз. Твоя мама.

P.S. Не носи серое! Ты в нём похожа на налоговую опись».

Мама передала мне контору пять лет назад, легко, как отдают дочери платье, из которого выросли: вот, носи, тебе пойдёт. Тридцать лет она сватала вместе с бабушкой, а потом встретила гнома-ювелира Хальвара, влюбилась, как девчонка, и уехала с ним в свадебное путешествие, которое никак не заканчивалось. Мой отец, человек и лекарь, умер от лихорадки, когда мне было три. Второй муж, эльф, через два года ушёл обратно в лес, вежливо и с поэмой. Оба брака мама заключила без свахи, и бабушка ей этого не простила. Третий она устроила так же, на свой страх, хотя Таблица давала ей с Хальваром всего пятьдесят восемь процентов, и, судя по открыткам, была счастлива.

Я поставила открытку на полку в кухне, к остальным. Их было сорок две, и все начинались словами «Милая, надеюсь, ты наконец влюбилась». Мама считала, что это смешно.

Мне было не до того: на мне держалась контора. Влюблённая сваха похожа на ювелира, который носит все свои кольца разом: красиво, но работать мешает. К тому же я знала, чем это кончается. Мама теряла голову трижды. Бабушка ни разу и всю жизнь прожила одна, хотя устроила тысячу сто пар. Мне хотелось другого: чтобы всё сходилось и когда-нибудь рядом оказался человек с девяноста процентами по Таблице, спокойный, надёжный, с той же температурой в спальне, с которым мы вместе вели бы контору. Потом, когда закрою закладную, пройду аттестацию и отучу Купидона кусаться.

То есть никогда, как перевела бы Жози.

Я заварила чай с чабрецом, взяла журнал и спустилась в приёмную. Вечером, при закрытых ставнях и одной лампе, там хорошо работалось. Гримбальд ушёл домой ровно в восемь, как всегда, заперев амбарную книгу и бросив на прощание: «Двадцать девять». Бабушка так и не вернулась из пейзажа. Купидон дремал, сунув голову под крыло, и время от времени угрожающе ворчал.

Я открыла журнал и взялась за список: у кого можно попросить в долг, кому предложить скидку на повторное сватовство (никому, мои пары не разводились), каким неженатым драконам, эльфам и графам из картотеки написать с просьбой «рассмотреть свежие анкеты». Вышло коротко. Перечитав его, я почувствовала, что держу в руках чужую опись имущества. Мама права: серое.

В дверь постучали.

Я подняла голову. Часы на стене показывали без четверти десять. Контора закрывалась в семь. На двери висела табличка «Закрыто», а под ней, мелко, бабушкиной рукой, ещё с прежних времён: «Разбитые сердца — с девяти утра». Свои ходили с чёрного хода. Жози вообще не утруждала себя церемониями.

Постучали снова: три раза, не громко и не тихо, ровно. Так дают о себе знать те, кто уверен, что им откроют.

— Закрыто! — крикнула я, не вставая. — Приходите утром.

— Это я понял, — ответил из-за двери мужской голос, низкий, спокойный, сухой, как бумага. — Табличку я прочёл. Обе.

Колокольчик над моей головой промолчал.

Купидон вытащил голову из-под крыла и уставился на дверь. Перья у него на шее медленно поднялись дыбом, и впервые в жизни я услышала, как голубь шипит.

Я взяла со стола лампу, подошла к двери и приоткрыла её на цепочку.

На крыльце стоял мужчина. Высокий, выше Бранна, в тёмно-зелёном плаще, с непокрытой головой. Свет лампы лёг ему на лицо, и я увидела резкие скулы, прямой нос, коротко остриженные волосы цвета старой меди и глаза. Янтарные, тёплые, как мёд на просвет, а посередине узкий вертикальный зрачок, как у кошки. Или у ящерицы.

От него шло тепло. Я стояла в двух шагах и ощущала его кожей, как у открытой печи. Пахло дымом и кедром.

— Корделия Вейс? — уточнил он.

— Контора закрыта, — больше я в ту секунду ничего не могла из себя выдавить. — Приём с девяти.

— Мне нужна жена, — произнёс дракон. — За тридцать дней. Вы ведь внучка Лукреции?

Где-то наверху, в нарисованном пейзаже с озером, бабушка тихо и до неприличия довольно засмеялась.

Глава 2. Клиент без анкеты

Клиент, который отказывается заполнять анкету, либо скрывает слишком много, либо ничего о себе не знает. Второе лечится. Первое оплачивается по двойному тарифу.

Изречение Лукреции Вейс, записанное Гримбальдом Шпатом на форзаце амбарной книги

Цепочку я снимать не стала.

Это было единственное разумное решение за вечер, и я держалась за него, как за перила на обледенелом крыльце. Пока между нами оставались щель в ладонь шириной, медная цепочка и порог, я могла считать, что разговариваю с ночным прохожим, а не с драконом, который пришёл за женой.

— Контора открывается в девять, — повторила я. — Если у вас дело, приходите утром, вас запишут в журнал, вы заполните анкету…

— Утром я буду у нотариуса, днём у матери, — возразил он. — Я сэкономлю нам обоим сутки. Их у меня тридцать.

— Двадцать девять с половиной, — я не удержалась: поправлять входит в моё ремесло.

Он глянул на меня сверху вниз. Зрачок в янтаре чуть сузился, как у кота, который заметил в траве что-то интересное и пока не решил, стоит ли оно прыжка.

— Двадцать девять и пятьдесят девять сотых. Уже без четверти десять.

Из клетки на окне донеслось шипение. Купидон стоял на дверце, раздувшись вдвое, с видом существа, которое подняли с постели ради налоговой проверки.

— У вас голубь шипит, — заметил дракон.

— Он гильдейский. Ему положено.

Это была неправда, и колокольчик над столом немедленно сообщил об этом коротким ехидным звоном.

Дракон поднял бровь. Одну.

Я сняла цепочку и распахнула дверь.

— Входите. Но только потому, что вы выстудите мне весь коридор.

Он мог бы ответить, что рядом с ним коридор не выстудишь, и был бы прав: тепло вошло в приёмную раньше него, плотное и сухое, и огонёк в лампе у меня в руке перестал дрожать. Но он промолчал. Пригнул голову под притолокой, рассчитанной на гномов и людей среднего роста, и остановился посреди комнаты, оглядывая картотеку, как чужую библиотеку: вежливо и с заранее готовым подозрением, что половина книг не читана.

Я поставила лампу на стол и села на своё место. Здесь начиналась моя территория. За столом я становилась свахой Вейс, а не невыспавшейся женщиной в сером платье, у которой под подолом, между прочим, чулки с сердечками.

Я указала на кресло для клиентов: зелёный плюш, львиные лапы, проверено на оборотнях и гномках с приданым. Дракон опустился в него, и оно издало звук, которого я от мебели раньше не слышала: долгий, почти человеческий вздох.

— Северин Хорн. Медный клан. С сегодняшнего полудня его глава, хотя ненадолго, если вы мне не поможете.

— Корделия Вейс, лицензия Гильдии номер четыреста шесть, — я придвинула журнал и обмакнула перо в зелёные чернила. — Да, я внучка Лукреции. Нет, она вас не примет, она умерла два года назад. Что вам нужно, кроме жены?

— Ничего. Только жена.

— Тогда начнём с того, какая.

— Любая, — Северин Хорн стряхнул с рукава невидимую пылинку. — Мне совершенно всё равно.

Колокольчик звякнул.

Дракон поднял глаза к потолку. Источник звона висел неподвижно, как всегда, медный, маленький, с гильдейским клеймом на ободке, и ни малейшего раскаяния не выражал.

— Это что?

— Брачный колокольчик. Звенит, когда в комнате лгут, — я сделала пометку в журнале. — Вы заявили, что вам всё равно.

— Я и правда равнодушен.

Дзинь.

Я записала: «Безразличие к кандидатуре невесты: заявлено, не подтверждено». Дракон, судя по наклону головы, умел читать вверх ногами.

— Он неисправен, — бросил Северин.

— Гильдия проверяет его раз в пять лет, ближайший раз через месяц. Расскажите мне про завещание, господин Хорн. Слухи до Сиреневой улицы уже дошли, но я предпочитаю первоисточники.

* * *

Рассказывал он, как зачитывают опись: без прилагательных, с датами. Ормунд Хорн, его дед и патриарх Медных, умер две недели назад. Сегодня в полдень семейный нотариус мэтр Вилкс огласил завещание. Клан, особняк на Медном холме и клад в сокровищнице под гномьим замком переходят к внуку Северину при одном условии: в течение тридцати дней со дня оглашения тот вступает в брак, заключённый через лицензированную человеческую сваху, и брачная печать на контракте загорается. Цвет не оговорён. Если условие не выполнено, всё отходит двоюродному брату Северина, Гордону Хорну.

— Человеческая сваха, — повторила я.

— Это подчёркнуто. Дважды, — он достал из внутреннего кармана сложенный лист плотной бумаги и положил передо мной. — Выписка. Заверена.

Гербовая бумага Медного клана с тиснением в виде свернувшегося ящера, три красные печати мэтра Вилкса. Слова «лицензированная человеческая сваха» и правда были подчёркнуты дважды, почерк в цитате из завещания крупный, старомодный, с завитушками на заглавных. Сургуч на одной из печатей пошёл трещиной, словно бумагу носили при себе не один день, а не получили сегодня в полдень. Я отметила это машинально, как отмечаю пятно на анкете, и отложила выписку.

— Почему человеческая? — спросила я. — Почему не драконья? Драконы сватаются через матерей. Ваша матушка, полагаю, не откажется подыскать вам невесту.

По лицу у него прошла тень, быстрая, как от птицы над мостовой.

— Моя мать уже подыскала. Семь. Список у неё был готов за час до оглашения. Но завещание исключает драконьих матерей из процедуры. Там так и написано: «без участия Ингрид». Дед не любил полумеры.

— А вы?

— Я тоже.

— Вы были с ним близки?

— Нет, — коротко ответил Северин Хорн.

Дзинь.

На этот раз он даже не взглянул наверх. Лицо у него было неподвижное, гладкое, как медный поднос. Только зрачок вытянулся в нитку и снова расширился.

— Дед был в своём праве, — продолжил он ровно. — Это его клад и его клан. Он мог отдать их хоть королевскому зверинцу. Я уважаю его волю и не держу на него зла.

Колокольчик зазвенел так, что качнулся на крючке.

Я положила перо. Графа 34, «склонность к драматизму»: почти нулевая. Графа 35, «способность признать собственные чувства»: отсутствует, причём демонстративно. За пять лет

под колокольчиком мне лгали многие мужчины, обычно про деньги, возраст, храп и бывших жён. Этот не ошибся ни в одной цифре, дате или имени. Неправду он говорил только о себе.

— Господин Хорн, у меня есть предложение. Вы пока будете говорить только факты, а чувства оставим на потом. Колокольчик гильдейский, на него выписана отдельная страховка, но если он сорвётся с крючка, ремонт за ваш счёт.

— Я не говорил о чувствах, — заметил он.

— Именно поэтому он и звенит.

Он помолчал, потом откинулся назад, и кресло под ним снова издало вздох.

— Факты, — согласился он. — Хорошо. Факт первый: мне нужна жена, с которой загорится печать, за тридцать дней. Факт второй: в Арвене семнадцать дневных свах. Из тех, к кому я успел зайти до вечера, Корро гадает по звёздам, мадам Пульхерия на Рыночной сватает только вдовцов, а ещё трое, узнав, кто я, вспомнили про очередь до осени. Факт третий: у вас на вывеске написано «сто процентов». Пугливость невесты меня, в отличие от деда, не волнует. Вы найдёте, кто подходит. Вы ведь считаете по таблице?

— По Таблице. Девяносто девять граф, — я произнесла это так, что он, кажется, услышал заглавную букву. — Для этого вам нужно заполнить анкету.

Я достала из ящика бланк. Шесть листов, сшитых вощёной ниткой, с гильдейским клеймом, и в конце мои собственные двадцать две графы, вписанные от руки: Гильдия до сих пор не утвердила новую форму. Положила перед ним и придвинула чернильницу.

Он посмотрел на бланк. На чернильницу. На меня.

— Не буду.

— Простите, что именно?

— Заполнять это, — он ухватил верхний лист за уголок двумя пальцами, как салфетку над блюдом, которого не заказывал. — «Графа семь. Храп». «Графа девятнадцать. Отношение к чесноку». «Графа двадцать три. Домашние животные, имеющиеся и желаемые». Госпожа Вейс, мне сто двенадцать лет. У меня нет времени объяснять незнакомой женщине, храплю ли я.

— А на незнакомую жену время есть? — поинтересовалась я.

— Это другое. Жена узнает, храплю ли я, без всяких анкет, — он отпустил уголок. — Вы сваха. Посмотрите на меня и угадайте.

Где-то за моей спиной, над картотекой, скрипнула рама. Я не обернулась, но и так знала, что бабушка вернулась из пейзажа и теперь висит на своём месте, в лиловом, с веером, и смотрит на нас в лорнет. Его я чувствовала затылком.

— Господин Хорн, — я взяла тот тон, каким говорю с оборотнями за неделю до полнолуния. — Гадалки работают на бульваре Белых лип, по три кольца за гороскоп. Я сваха. Моё ремесло стоит на том, что я знаю о клиенте больше, чем он сам о себе. Без анкеты я не подберу вам даже кошку.

— Кошку я не прошу, — отрезал он.

— Без ваших ответов Таблица ничего не покажет, — терпеливо продолжила я. — Без сверки я не могу поручиться, что печать загорится. А раз так, контракта не будет. Это не моя прихоть, а статья шестая Кодекса.

— Тогда угадайте без Таблицы. Ваша бабушка угадала.

— Моя бабушка была гением, и ей за это многое прощали. Я всего лишь методист.

Над картотекой кто-то фыркнул.

Северин Хорн поднял глаза поверх моей головы и некоторое время смотрел туда не мигая. Потом встал (кресло облегчённо скрипнуло), обошёл мой стол, остановился перед портретом и поклонился, но не картине и не старушке, а даме, которую давно знал по рассказам и наконец встретил.

— Госпожа Лукреция, дед велел передать, что помнит вас. Я опоздал на два года. Прошу прощения.

Я обернулась. Бабушка сидела в нарисованном кресле, веер сложен, лорнет опущен, и молчала. Не готовила колкость, а просто смотрела на дракона. Краски на портрете стали тёплыми и чуть влажными, как бывает, когда в комнате кто-то долго дышит на холсты.

— Ты похож, — проговорила она наконец. — Только он чаще улыбался.

— Я знаю.

Колокольчик промолчал.

* * *

Деньги начались тогда, когда я решила, что разговор окончен.

Я вернула бланк в стопку, закрыла журнал и объявила, что, к моему глубокому сожалению, контора Вейс не принимает клиентов без анкеты, а мадам Пульхерия на Рыночной, возможно, сделает для него исключение, если он предъявит справку о вдовстве. Говорила я вежливо и твёрдо, с чувством человека, который из гордости выбрасывает в окно последний кусок хлеба. Двадцать девять дней. Триста шесть на счету. Пианино с «ре».

— И сколько же?

— О чём вы?

— Сколько стоит ваш методизм, госпожа Вейс. Вы назовёте сумму, я её заплачу, и вы найдёте способ работать без анкеты. Или с анкетой, но так, чтобы я не писал в ней про чеснок.

Вот тут мне следовало ответить «нисколько», встать и открыть дверь. Бабушка так и сделала бы. Мама тоже. Я открыла рот, и из него вышло:

— Тысяча двести союзов.

Эту цифру я назвала, чтобы он ушёл. Это была сумма моего долга, круглая и неприличная. За межрасовую пару я брала двадцать. Графское сватовство бабушка однажды оценила в триста и до конца жизни считала, что переборщила. Такие деньги, если верить «Вестнику», платили за принцесс, и то не за всех.

Северин Хорн даже не моргнул.

— Согласен. Тысяча двести.

Колокольчик молчал. Я смотрела на него и ждала, что он одумается. Медь висела неподвижно.

— И вдвое, — добавил дракон. — Если печать загорится золотом.

За ширмой ничего не упало, потому что Гримбальд ушёл домой в восемь. Но я почти услышала, как там сама собой валится с полки амбарная книга. Две тысячи четыреста союзов. Долг, аттестация, жалованье Гримбальду на три года вперёд, овёс Купидону до конца его дней.

— Золотом печать горит раз в десять лет, — голос у меня вышел не таким сухим, как хотелось бы. — У меня за пять лет не было ни разу. У бабушки четыре раза за шестьдесят. Вы предлагаете деньги за то, чего почти не бывает.

— Поэтому и предлагаю. Не люблю платить за то, что бывает.

Я оглянулась на портрет. Бабушка подняла лорнет и сделала вид, что разглядывает лепнину на потолке.

— Задаток, — напомнила я. — По статье тридцатой гонорар свахи выплачивается после того, как печать загорится, а до того она вправе взять не больше десятой части. Сто двадцать союзов. Если от сватовства откажетесь вы, они остаются у меня. Если откажусь я, верну.

— Вы откажетесь? — поинтересовался он.

— Если вы не заполните анкету, да.

— Это мы посмотрим.

Колокольчик почему-то промолчал, хотя мне это «посмотрим» показалось враньём от первой буквы до последней.

Дальше шла работа, а её я умею лучше всего, и мне полегчало. Я достала гильдейский бланк договора на сватовство и начала заполнять. Стороны: контора Вейс в лице свахи Корделии Вейс и господин Северин Хорн, Медный клан, сто двенадцать лет. Предмет: подбор супруги для заключения союза в течение тридцати дней с момента оглашения завещания. Гонорар. Задаток. Условия расторжения.

Он читал вверх ногами, пока я писала, и это было невыносимо: он заканчивал фразу раньше меня. Один раз он молча постучал пальцем по слову «оглашения», и я без единого звука исправила «оглошения». Кисть у него была большая, с коротко остриженными ногтями, и воздух над ней дрожал, как над мостовой в жаркий полдень.

— Пункт девятый, — потребовал он, едва я дописала последний лист. — Добавьте.

— Что добавить?

— «Сваха обязуется не представлять клиенту кандидаток из списка, составленного леди Ингрид Хорн, без его отдельного согласия».

Я подняла глаза.

— Ваша мать знает, что вы здесь?

— Узнает к утру. У неё на Медном холме осведомителей больше, чем у городской стражи, — он поправил манжету. — Она к вам придёт со списком и будет звать вас «милочкой». Не обращайте внимания, королеву она называет так же. Потом она потребует, чтобы вы начали с её семи дракониц.

— А если её драконицы подойдут лучше?

— Не подойдут. Я с ними знаком. С тремя мы вместе росли, с двумя я был помолвлен, а две меня боятся. Пишите пункт девятый.

«Был помолвлен» прозвучало так ровно, что я покосилась на колокольчик. Тот молчал. Значит, был. Дважды. Графа 51, «прежние помолвки и их исход»: я бы многое дала, чтобы узнать, чем они кончились. Я дописала пункт девятый. Потом, подумав, добавила десятый: «Клиент обязуется в течение трёх дней предоставить свахе сведения о себе в объёме, достаточном для проведения сверки по Таблице Вейс, в любой удобной ему форме». Повернула лист к нему.

Он прочёл. Долго смотрел на слова «в любой удобной ему форме».

— Это компромисс? — уточнил он.

— Это лазейка, — объяснила я. — Для вас. Напишите письмо, станцуйте, пришлите камердинера, пусть расскажет, храпите ли вы. Но через три дня мне нужны ответы на девяносто девять вопросов. Иначе я возвращаю задаток.

— У меня нет камердинера, — признался он.

— Тогда танцуйте.

Он посмотрел на меня так, будто мышь, которую он держал за хвост, повернулась и пискнула в ответ, и я впервые заметила у него в уголках глаз морщинки. Не от возраста. От того, что он когда-то часто щурился на солнце или смеялся. Сейчас лицо оставалось серьёзным.

— Дайте перо.

Я протянула ему своё. Он обмакнул его в зелёные чернила, поморщился на цвет и подписал. Росчерк у него оказался мелкий, острый, без единого завитка, будто каждая лишняя черта стоила денег. Потом он положил перо на стол.

— Теперь ваша печать и конторская.

Я потянулась к ящику, и в эту секунду Купидон наконец решил, что пора.

Всю беседу голубь просидел на дверце клетки, распушившись, как муфта, и переминался с ноги на ногу. А тут сложил крылья, спрыгнул на край моего стола, тяжело, как мешок с овсом, прошествовал по договору, оставив на пункте девятом отпечаток розовой лапы, и со всей казённой ненавистью вцепился дракону в палец.

Я вскочила.

— Купидон!

Северин Хорн не отдёрнул руку. Он разглядывал повисшего голубя, как прицепившийся к рукаву репей, с лёгким недоумением и без всякой злости. Купидон топорщил перья и, кажется, был готов умереть, но не отпустить.

— Он всех так? — спросил дракон.

— Бабушка говорила, только тех, кто кому-нибудь не пара.

— И кому же я не пара, например?

Ответить я не успела. Купидон разжал клюв, отскочил назад, сел на собственный хвост посреди договора и затряс головой. Перья у него на шее встали дыбом, а потом медленно улеглись. Он разевал и захлопывал клюв, как человек, который отхлебнул слишком горячего чаю и пытается сохранить достоинство.

— Он обжёгся, — я не верила своим глазам.

— У меня кровь горячая. Это у всех Медных. Чай в руках остывает за полчаса, а не за пять минут. Удобно зимой.

Купидон смерил его долгим оскорблённым взглядом, слетел со стола и ушёл к себе в клетку пешком, вперевалку, не оглядываясь. Залез внутрь, отвернулся к стене и больше в тот вечер не издал ни звука.

На пальце у дракона темнела треугольная ссадина. Он слизнул выступившую каплю, по-кошачьи, не задумываясь, и я отвела взгляд, потому что покраснела, а это было абсурдно. Графа 70, «бытовые привычки, способные вызвать раздражение у супруга»: я не знала, куда записать то, что почувствовала, но точно не в эту графу.

— Через час заживёт, — он опередил мой вопрос и подвинул ко мне договор. — Печать.

Я поставила свою, с номером лицензии, и конторскую, с двумя переплетёнными руками. Зелёный сургуч пах мёдом и воском. Я прижала печать и подержала дольше, чем нужно: у меня впервые за пять лет дрожали руки, и клиенту незачем было это видеть.

Он достал из кармана тяжёлый кожаный кошелёк и отсчитал на угол стола сто двадцать союзов. Золото легло столбиками по десять. Каждая монета оказалась тёплой, когда я до неё дотронулась.

— Расписку, будьте добры.

Я написала её. Он сложил листок вчетверо и убрал во внутренний карман, туда же, где лежала выписка из завещания.

— Через три дня, — он поднялся. — Сведения в объёме, достаточном для сверки. В любой удобной мне форме.

— Если вы будете танцевать, предупредите заранее. Смотровая на втором этаже, там пианино. Оно играет «ре».

У двери он обернулся, и я увидела, что он почти улыбается: в глазах, но не на губах, будто туда ей запрещалось спускаться без отдельного разрешения клана.

— Спокойной ночи, госпожа Вейс. Госпожа Лукреция.

Бабушка подняла веер в ответ.

Дверь закрылась. Шаги ушли вниз по Сиреневой, ровные, лёгкие для существа размером с карету. Я заперла дверь на засов, на цепочку и на щеколду, которую мы не задвигали со времён наводнения, и вернулась к столу. Договор лежал на месте. Задаток стоял столбиками. Моё зелёное перо было тёплым, как ручка чайника.

Бланка анкеты на столе не было.

Я заглянула под журнал, под стол, под кресло, в мусорную корзину. Шесть листов с вощёной ниткой и моими двадцатью двумя графами исчезли.

— Он его забрал, — раздался у меня за спиной бабушкин голос. — Когда ты ставила печать. Сложил вдвое и сунул в карман, как вор кошелёк. Очень ловко. Ормунд так таскал у меня печенье.

— И ты промолчала?

— Птичка, я видела, как дракон крадёт анкету, которую только что отказался заполнять. Неужели ты думаешь, что я стала бы ему мешать?

* * *

Наверху, на кухне, было холодно. Печь я топила утром, и к ночи она остыла, но заметила я это только теперь: два часа просидела рядом с существом, которое грело, как жаровня. Я поставила чайник на горелку, хотела снять очки, чтобы потереть переносицу, и обнаружила, что весь вечер они были у меня на лбу. Туда я сдвигаю их, когда злюсь. Выходит, сердилась я с той минуты, как сняла цепочку.

Бабушка перешла в натюрморт с грушами над кухонным столом. Помещалась она там неудобно: груши были крупные, кувшин тоже, и она пристраивалась с краю рамы, подобрав лиловую юбку, как дама, которая села в переполненный дилижанс и не собирается этого показывать.

— Тысяча двести, — напомнила она.

— Я знаю.

— Я не осуждаю. Я считаю, — она поправила кружевной воротник. — Знаешь, сколько я взяла с его деда?

— Ты говорила. Три серебряных кольца.

— И банку вишнёвого варенья, — с удовольствием уточнила бабушка. — Сварил его сам. Дракон. Восемьдесят лет назад, когда его сородичи ещё не ходили по нижнему городу без охраны. Принёс в корзинке, укрытой салфеткой. Пересолил.

— Варенье — солью? — переспросила я.

— Он не знал, что туда не кладут соль, — голос у бабушки потеплел, а груши вокруг неё чуть потемнели. — У каждого Хорна, птичка, есть одна вещь, которую он делает неправильно, но от всей души. У Ормунда вот это. Интересно, что у этого.

— Этот ворует анкеты, — буркнула я.

— Это он делает правильно. И без всякой души. Что-то другое.

Засвистел чайник. Я заварила чабрец в синей кружке со сколом и села за стол под натюрмортом. Задаток я принесла с собой в жестяной коробке из-под печенья: ключ от несгораемого шкафа был только у Гримбальда, а тот ушёл домой. Монеты всё ещё грели ладонь. Обычное золото так долго жар не хранит. Может быть, дело в драконе; в Гильдейском училище об этом не рассказывали.

Сто двадцать плюс триста шесть. Четыреста двадцать шесть. Не хватает семисот семидесяти четырёх. Двадцать девять дней.

Ему нужна жена за тридцать.

Два числа, связанные узлом, пока я отвернулась. Если через тридцать дней у Северина Хорна будет жена и загорится печать, у меня будут деньги и контора. Если нет, через двадцать девять дней придут «Золотохват и сыновья», а на следующий день весь Арвен узнает, что сваха Вейс взялась за дракона и провалилась. «Сто процентов» на вывеске можно будет закрашивать.

И сватать мне предстояло клиента, который называл себя безразличным к собственной невесте и врал об этом так, что колокольчик качался на крючке. Которому нужна не жена, а загоревшаяся печать, а её не обманешь ни зельем, ни выгодой. Все мои сто восемьдесят шесть пар хотели жениться, потому у них всё и сработало. Этому требовались наследство и покой.

Я ухватилась за спасательный круг, отличный, золотой. Только к нему был привязан камень весом примерно с дракона.

— Птичка, — бабушка смотрела на меня из-за кувшина, и голос у неё был непривычно мягкий. — Ты думаешь слишком громко. У меня от тебя груши вянут.

— Кажется, я совершила ошибку, — призналась я.

— Ты заключила сделку. Это разные вещи, — бабушка помолчала. — Ошибка была бы, если бы ты его не впустила.

— А это почему?

Она не ответила. Отвернулась и стала пересчитывать груши, хотя их было три. Я допила чай, убрала коробку с задатком в шкаф, за банки с крупой, и погасила лампу. И уже на пороге спальни, в темноте, услышала, как бабушка шепчет, не мне, а самой себе, тихо, как над письмом:

— Ну вот, старый ящер. Я его впустила. Дальше она сама.

Я хотела спросить, что это значит, но глупостей за этот вечер я наделала достаточно. Я забралась под одеяло до подбородка и долго смотрела в потолок. За окном шелестела отцветшая сирень. Внизу, в приёмной, во сне ворчал обожжённый голубь. Где-то на Медном холме, в особняке из красного камня, дракон, который не умел улыбаться губами, сидел, наверное, над моей анкетой.

Если, конечно, он не бросил её в камин.

Почему-то от этой мысли мне стало обидно.

Глава 3. Девяносто девять граф

Графа 7. Храп. — Не проверял.[1]

[1] *Свидетелей нет. Это не жалоба, а констатация.*

Анкета клиента С. Хорна, сноска первая из сорока трёх

Гримбальд пересчитал задаток три раза, а потом взял один союз и попробовал на зуб.

— Тёплая монета, — с подозрением объявил он.

— Это от дракона, — объяснила я.

— Золото не бывает тёплым. Оно может быть настоящим или фальшивым, — гном покатал монету по ладони, поднёс к очкам, понюхал. — Настоящее. Тёплое. Непорядок.

Было без двадцати девять. Гримбальд, как всегда, пришёл первым и надел нарукавники, причём левый, прогрызенный, обмотал поверх бечёвкой, чтобы голубь видел: ущерб зафиксирован. Я встретила его с коробкой из-под печенья и бумагами. Гном прочёл договор дважды, водя пальцем по строкам, и на пункте о золотой печати надолго замер.

— Две тысячи четыреста, — выдохнул гном.

— Если золотом. А этого не будет.

— Тысяча двести, — согласился он. — При условии, что печать загорится. Для этого дракону требуется невеста, а вам, чтобы её найти, нужна анкета, — Гримбальд поднял на меня глаза поверх очков. — Она у вас есть?

— Её украл клиент, — буркнула я. Вчера, вместе с моими двадцатью двумя графами.

Гном снял очки, подышал на стёкла и платка опять не достал.

— Двадцать восемь дней, — он открыл амбарную книгу, повернул ключик в латунном замке и вписал аккуратными гномьими цифрами в графу прихода: «Задаток. Хорн С. Сто двадцать».

Подумав, он добавил в графу расхода, ниже вчерашнего овса: «Анкета, бланк, 1 шт. Похищена». Стоили они три гроша. Гримбальд проставил их с таким лицом, будто хоронил родственника.

Купидон сидел в клетке, отвернувшись к стене, и на нас не смотрел. Корм в кормушке остался нетронутым. Я подошла, просунула палец сквозь прутья и погладила его по сизой спине. Он не укусил. Это было так неправильно, что я испугалась.

— Он заболел? — спросила я.

— Он обиделся, — подала голос бабушка из своей рамы. — Ты бы тоже надулась, если бы укусила кого-нибудь и обожглась. Это удар по профессиональной гордости.

* * *

Ровно в девять у конторы остановилась коляска. Я видела её в окно: лёгкая, на высоких колёсах, тёмно-зелёная, с медным ящером на дверце. Из неё в самом буквальном смысле выпал юноша. Сначала показалась нога в клетчатой штанине, нащупала подножку, промахнулась, и следом за ней на мостовую вывалилось всё остальное: длинные руки, кожаная папка, шляпа и огненно-рыжая голова.

Он встал, подобрал шляпу, уронил папку, снова наклонился за ней и оглянулся, проверяя, видел ли кто-нибудь. Свидетелями оказались господин Мёрк на крыльце своей лавки, пекарь с лотком булок, две барышни с корзинками и я.

Юноша взбежал на наше крыльцо, перепрыгнув через ступеньку, и постучал. Три раза, ровно, точно как вчера. Видимо, в клане Хорнов этому учили с колыбели.

— Открыто, входите! — крикнула я.

Он вошёл, снял шляпу, и я увидела, что уши у него горят, как два фонаря на Медном мосту. Веснушки на носу, на скулах и даже на веках, тонкая шея, торчащая из воротника, кото-

рый явно повязывали дома по чьему-то строгому указанию. Графа 12, «волнение при первой встрече»: зашкаливает.

— Госпожа Вейс? Корделия Вейс?

— Она самая.

— Ларс Хорн. Секретарь. Секретарь кузена. То есть секретарь главы Медного клана, — он сбился, покраснел ещё сильнее, хотя это казалось уже невозможным, и подал мне папку обеими руками, как подушечку с кольцами. — Кузен велел передать. И сказать. Сейчас.

Он вытащил из кармана записку, развернул и прочитал с выражением, как читают стихи на школьном празднике:

— «Сведения в объёме, достаточном для сверки. Форма удобная мне». Всё.

Колокольчик молчал. Ларс посмотрел на него с таким облегчением, что стало ясно: про эту медяшку его тоже предупредили.

В папке лежала моя анкета. Шесть листов с вощёной ниткой, слегка помятые на сгибе, там, где он вчера сложил их вдвое. Каждая графа была заполнена мелким, острым, экономным почерком без единого завитка. И почти в каждой стояла маленькая цифра, а на полях, сбоку, сверху, снизу, наискосок и даже вокруг гильдейского клейма, вились пояснения. Как я потом подсчитала, сносок было сорок три.

— Он что, не спал? — поинтересовалась я.

— Кузен не спит, когда работает, — с гордостью сообщил Ларс. — Он сел в кабинете в одиннадцать и вышел в шесть. Я принёс ему кофе четыре раза. Он попросил ещё сургуча и словарь. А потом сказал, что анкета составлена кем-то, кто ненавидит человечество, и что он хотел бы с этим автором познакомиться поближе.

Я подняла глаза от бумаг. Ларс понял, что сболтнул, и уши у него из фонарей сделались костром.

— То есть не в том смысле. Он не то имел в виду, — Ларс сглотнул. — Он, наверное, не знал, что анкету составили вы.

— Знал, — возразила я. — Двадцать две последние графы я вписывала от руки, у меня на них почерк.

— Ох. Тогда это хуже, — пробормотал Ларс.

Я перевернула последний лист, проверить, не забрались ли сноски и туда. Обратная сторона была исписана, но не мелким острым почерком, а другим: круглым, детским, с нажимом, с кляксами и зачёркиваниями. Столбиком.

— Это что у нас… — начала я.

— Это не надо! — Ларс рванулся к папке и остановился, потому что выдирать бумаги из рук у свахи, судя по всему, его тоже не учили. — Это я. В коляске. У меня не было бумаги, а кузен сказал, что оборот всё равно никто не читает. Это черновик. Это совершенно ничего.

Я прочла первые две строки. «Любовь — как кровь, она течёт по жилам, и вновь…» Последнее слово было зачёркнуто трижды и заменено на «вдруг», которое постигла та же участь, а сбоку стоял вопросительный знак.

— «Вновь» с «кровью» рифмуется лучше, чем «вдруг», — честно признала я.

— Я знаю, — прошептал Ларс. — Это и ужасно.

* * *

Дверь распахнулась без стука. Так входила в мою контору только одна женщина в Арвене, и всегда с одинаковым грохотом, потому что створка у нас разбухала в дождь, а Жози открывала её бедром.

— Дорогуша! — Жози Бланш закричала ещё на пороге. — Мёрк говорит, вчера у тебя без четверти десять был рыжий великан в зелёном плаще и ушёл после полуночи! Пекарь клянётся, что это дракон! А фонарщик видел, что с Медного холма и что у него на пальце была кровь! Мёрк уже предложил мне скидку на венок для тебя, на случай если ты… ой.

Она увидела Ларса, а он её.

Через мою контору прошли тысячи первых взглядов: гномы оценивают, эльфы опускают ресницы, оборотни принюхиваются. Ларс Хорн уставился на Жози так, как, наверное, его прадед-ящер на первую в жизни груду золота. Папка выпала у него из рук. Уши погасли, потому что вся кровь, видимо, ушла куда-то в другое место.

Жози стояла в дверях, пышная, в платье цвета абрикоса, с булавками во рту, с которыми прибежала прямо из-за раскроечного стола, со следом мелка на щеке и портновской лентой на плече.

— Это кто? — спросила она сквозь булавки, не отводя от юноши глаз.

— Ларс Хорн, — отозвалась я. — Секретарь дракона. Кузен.

— Тоже с крыльями?

— Тоже, хотя пока помельче.

Жози вынула булавки изо рта, воткнула их в подушечку, сделала два шага и обошла Ларса, как манекен.

— Плечи узкие. Но это возрастное. Рукав короток на два пальца. Кто тебе шил?

— М-мама шила.

— Маме передай, что руки у тебя растут быстрее, чем она шьёт, — Жози сняла ленту, смерила его руку до запястья и записала мелком на собственной ладони. — Боги. Сколько тебе, дорогуша?

— Девятнадцать лет, — Ларс произнёс это так, будто от ответа зависела его жизнь.

Колокольчик молчал: на враньё у Ларса Хорна сейчас не осталось бы ни сил, ни соображения. Я подобрала папку с пола и, сама не знаю зачем, видимо по привычке дополнять карточку, выдала:

— Он пишет стихи.

— Не надо! — простонал Ларс.

— Ну-ка покажи, — Жози протянула руку.

Дракон, кузен главы клана, существо, которое лет через двести вырастет размером с карету, отдал ей лист, не дыша. Жози прочитала, шевеля губами, и сдвинула брови.

— «Кровь». Дорогуша, никогда не рифмуй любовь с кровью. Я шью свадебные платья десять лет и говорю тебе: после этого слова ни одна невеста ничего не купит. А «вновь» — это для приказчиков, они так на открытках пишут. Возьми «бровь».

— Это как? — растерялся Ларс.

— «Любовь — как бровь», — Жози задумалась. — Нет. Хотя… Нет. Ладно, найдём. Приходи, я тебе рукав отпущу, там есть запас.

Она вернула ему лист, подмигнула и повернулась ко мне. Ларс стоял, прижимая стихи к груди, и я видела, как он медленно складывает в голове фразу «приходи, я тебе рукав отпущу» и понимает, что его пригласили.

— Мне надо идти, — он не сводил глаз с Жози. — Кузен ждёт. Кузен велел. До свидания. Госпожа Вейс. Госпожа… — он запнулся.

— Бланш. Жози.

— До свидания, Жози, — выговорил Ларс, как пароль, и вышел.

В окно я видела, как он сел в коляску со второй попытки и уехал со шляпой в руках. Господин Мёрк приподнял ему вслед свою.

— Какой милый мальчик.

— Он в тебя влюбился, — заметила я.

— Дорогуша, в меня все влюбляются. Это не повод, — она уселась на край моего стола, раздавив под собой журнал приёма, и наклонилась ко мне. — Рассказывай. Дракон. Какой он?

— Обыкновенный клиент, — отрезала я.

Колокольчик над нами отозвался таким чистым, долгим и звонким «дзинь», что Гримбальд за ширмой уронил перо.

Жози расплылась в сладкой улыбке пекаря, которому заказали свадебный торт на триста гостей.

— Так-так. Продолжай.

— Высокий. Рыжий. Неприятный. Читает вверх ногами. Отказался от анкеты, а потом её украл. Платит тысячу двести союзов.

Колокольчик промолчал. Жози, которая знала про закладную, присвистнула.

— Сколько-сколько ты сказала?

— И вдвое, если печать загорится золотом.

— Ну, это всё объясняет, — Жози сползла со стола и отряхнула юбку. — Неприятный, читает вверх ногами и платит ровно столько, сколько тебе нужно, до последнего гроша. У меня каждый день такие, — она пошла к двери, но обернулась. — Делия. Ты знаешь, что весь квартал уже решил, будто он пришёл свататься к тебе?

— Он пришёл свататься к картотеке, — огрызнулась я.

— Объясни это Мёрку. Он уже заказал лилии.

* * *

Анкету я читала в смотровой, закрыв дверь, потому что в приёмной Гримбальд кашлял, Купидон вздыхал, а бабушка каждые пять минут спрашивала «ну что там». Пейзаж с озером над диваном пустовал, пианино дремало под вышитой накидкой. Я села у окна, надела очки и взялась за работу как за любую другую: с первой графы, по порядку, с зелёным карандашом для пометок.

Через четверть часа я сняла очки и положила их на подоконник, потому что смеяться в очках неудобно, они подпрыгивают.

Это было возмутительно. Мне попадались эльф, ответивший на все вопросы в стихах, и гном, который на графу «любимый цвет» указал номер краски по каталогу Каменного Предела, и ни над одним из них я не хохотала. Веселиться над клиентскими бумагами непрофессионально.

Графа 3, «Возраст». Ответ: «112». Сноска: «По-человечески 35. По-драконьи „пора бы уже"[2]. [2] Цитата. Леди И. Хорн, ежегодно, в день рождения, вместо поздравления».

Графа 19, «Отношение к чесноку». Ответ: «Ем». Сноска: «Не вампир. Если невеста из них, прошу считать ответ окончательным».

Графа 23, «Домашние животные, имеющиеся и желаемые». Ответ: «Нет. Нет». Сноска: «Ваш голубь сюда не относится. Он заслуживает отдельной графы, и я удивлён, что её нет».

Графа 44, «Любимое блюдо». Ответ: «Безразлично». Сноска: «Всё равно подгорит. Не у меня. У того, кто будет готовить рядом».

Графа 58, «Отношение к деньгам». Ответ: «Положительное». Сноска: «Это не единственное, что меня в них интересует, но первое по списку».

Графа 62, «Как вы предпочитаете проводить вечер». Ответ: «Читаю отчёты». Сноска: «Иногда стихи кузена. Это вынужденно и не должно учитываться как предпочтение».

Графа 70, «Бытовые привычки, способные вызвать раздражение у супруга». Ответ: «Читаю вверх ногами». Сноска: «Вы заметили».

Я заметила. И злилась, потому что он был смешной. Не остроумный, как светские молодые люди, которые шутят, чтобы им похлопали, а сухой, будто каждую сноску заверял у нотариуса. Он отказался от анкеты, а потом заполнил её лучше девяти из десяти моих клиентов. Уверял, что у него нет времени, и потратил на неё ночь. А хуже всего было то, что над каждым пояснением я представляла его лицо, и оно получалось у меня почему-то не каменным.

Графа 77, последняя бабушкина: «Почему вы хотите вступить в брак?» Ответ: «Завещание». Сноска: «Здесь ваш колокольчик не звенит. Проверьте при мне».

— Непременно проверю, — пообещала я пустому пейзажу.

За стеной, в «Фата-моргане», засмеялась Жози, громко, на всю Сиреневую, и я вздрогнула: на секунду показалось, что надо мной.

* * *

Статья девятая Кодекса свахи гласит: «Анкета, заполненная вне конторы, подтверждается клиентом устно, в присутствии брачного колокольчика, до проведения сверки». Я отправила записку на Медный холм с мальчишкой из пекарни, и в шесть вечера, за час до закрытия, Северин Хорн вошёл в приёмную, пригнув голову под притолокой.

— Статья девятая. Вы её придумали.

— Хотите проверить? — я протянула ему Кодекс, свой, в истрёпанной синей обложке, с закладками из тесьмы.

Он раскрыл книгу на нужной странице с первой попытки, будто знал, где искать, прочёл и вернул.

— Не придумали, — признал он. — Жаль.

Колокольчик промолчал, и это было почти обидно: я надеялась, что «жаль» окажется враньём.

Купидон, едва дракон вошёл, поднялся на жёрдочке, вытянул шею и замер. Северин встретил его взгляд. Голубь не отвёл глаз, долго, без шипения, с тяжёлым подозрением, как сторожевой пёс, которого однажды уже отругали за гостя. Потом демонстративно повернулся к нему хвостом и притворился спящим.

— Мы договорились? — уточнил Северин.

— Он обдумывает. Садитесь.

Кресло издало вздох. Бабушка подняла лорнет. Гримбальд за ширмой делал вид, что считает, и гонял одну и ту же костяшку туда-сюда.

Я положила анкету между нами. Порядок такой: сваха читает графу вслух, клиент подтверждает или поправляет. Обычно люди при этом краснеют и ёрзают. Северин сидел неподвижно, положив руки на подлокотники, и на каждую графу отвечал «да» таким тоном, будто ставил подпись: на имя, на возраст, на храп, который он не проверял.

Колокольчик молчал. Мы шли по графам, как по лестнице, не пропуская ступенек. Двенадцатая, двадцатая, тридцатая. На следующей, «Готовность терпеть родственников супруга», он написал: «Высокая. Тренировался сто двенадцать лет на своих». Я прочла это вслух, он подтвердил, медь над нами не отозвалась, а бабушка у меня за спиной коротко хихикнула в веер.

На сорок седьмой ровный ход сбился.

Графа 47, «Страхи». Ответ в одно слово: «Нет». Без сноски, и среди соседних граф, обвешанных пояснениями, это «нет» торчало, как голый столб.

— Всё верно, — подтвердил Северин.

Колокольчик зазвенел. Не громко: тихо и как-то задумчиво, словно сам не был уверен, стоит ли.

Мы посмотрели друг на друга.

— Исправлять будете?

— Не стану.

— Тогда я поставлю пометку «ответ не подтверждён».

— Как положено, так и делайте.

Я вывела её мелко, на полях, там, где полагалось бы стоять сноске. Мне до зуда хотелось спросить, чего он боится. У оборотней это серебро, у гномов бедность, у эльфов страх выглядеть смешными, у фей вторники без любви. А что пугает дракона, у которого самый большой клад в Арвене после королевского? Но сваха не спрашивает о том, на что клиент отказался отвечать. Статья восьмая. Её я тоже не придумала.

— Графа пятьдесят первая. Прежние помолвки и их исход.

— Две. Обе расторгнуты по взаимному облегчению.

Колокольчик промолчал.

— Графа шестьдесят шестая. Предпочтительная температура в спальне.

Он поднял на меня глаза. Я уткнулась в лист, где стояло: «Жарко. Это не предпочтение, а физиология. Невеста может открыть окно. Я не возражаю. Я не замечу».

— Да, именно так.

Я почувствовала, что краснею, и рассердилась на себя: за пять лет я произнесла слово «спальня» при клиентах, наверное, тысячу раз, и щёки при этом оставались холодными. Это была самая обыкновенная графа. Её заполняли все. От неё зависело, разведутся ли люди через десять лет. Я надвинула очки на нос и перевернула лист, чуть резче, чем нужно.

На восемьдесят восьмой, «Каким вы видите идеального супруга», стояло: «Та, у которой загорится печать».

— Это не ответ, — возразила я.

— Это единственный честный вариант. Всё остальное, что я мог бы написать, ваш колокольчик бы не одобрил.

— Например, что?

— Скажем, «красивая». Мне безразлично, хороша ли она собой.

Колокольчик молчал. Это было правдой. Почему-то от этого мне стало не легче, а тяжелее, будто с меня сняли ношу, а она оказалась подушкой.

На девяносто третьей он меня остановил. Вопрос «Чем вы готовы пожертвовать ради союза» я придумала сама, и ответ там стоял: «Временем». Северин протянул руку через стол и забрал у меня лист.

— Позвольте перо.

Я пододвинула ему своё, но он отодвинул его и достал из внутреннего кармана собственное: тёмное, тяжёлое, с медным наконечником и черенком, стёртым там, где его держат пальцы. Обмакнул в мою чернильницу, поморщился на зелёный цвет, как и вчера, и мелко дописал после «Временем»: «Сном (см. сноску 41)». Под этим номером значилось: «Ночь на заполнение этой анкеты». Он вернул мне лист.

— Теперь верно.

Колокольчик промолчал.

Я взяла его перо, чтобы отметить на полях поправку. Оно было тяжелее моего, тёплое и удивительно удобное, как будто черенок сам ложился в пальцы. Я вывела знак, подумала, дописала заодно скобку, забытую на тридцать первой графе, и машинально, как всегда, сунула перо в свою подставку, рядом с зелёным.

Северин проследил, куда оно отправилось. Ноздри у него чуть раздулись, зрачок вытянулся в нитку, и тут я вспомнила, что его народ ревнует ко всему, что считает своим. Я читала об этом в справочнике Гильдии «О расовых особенностях брачующихся», раздел третий, параграф седьмой: «Не трогайте вещи дракона без приглашения. Не садитесь в его кресло. Не пейте из его чашки. Если вы всё же это сделали, сохраняйте спокойствие и не делайте резких движений».

Он промолчал. Отвёл глаза к окну, на Сиреневую, где зажигали фонари, и обронил:

— Читайте дальше.

Я дошла до девяносто восьмой графы, не делая резких движений. Перо осталось в подставке. Он не попросил его назад.

На девяносто девятой я остановилась.

— Это последняя.

— Я знаю, — он поднялся, и кресло облегчённо скрипнуло. — Её я не заполнил. Можете не читать.

— Почему не заполнили?

— Потому что не знаю, — ответил Северин Хорн.

Колокольчик промолчал. Северин надел плащ, поклонился бабушке, мне и, после короткой заминки, ширме, за которой затаился Гримбальд, и вышел.

* * *

Ночью я сидела на кухне с анкетой и чаем. Чабрец заварился горький, я его передержала, потому что зачиталась. Бабушка устроилась в натюрморте, между кувшином и самой большой грушей, и заглядывала мне в бумаги, хотя для этого ей приходилось перегибаться через край рамы так, что лорнет постукивал о позолоту.

— Сноска двадцать шестая. Перелистни назад, я не дочитала.

Я вернула страницу. Сноска относилась к графе «Музыкальные предпочтения» и гласила: «Не пою. Дед пел. Я слушал. Это не предпочтение, это воспоминание, его можно не учитывать».

Бабушка долго молчала.

— Он пел, — наконец проговорила она. — Ормунд. Ужасно. Басом, на весь Нижний порт. Тильда затыкала уши ватой и говорила, что за сорок лет выучила все драконьи баллады наизусть, а слышала только две.

— Кто такая Тильда? — переспросила я.

— Его жена, птичка. Моя подруга. Швея, — бабушка посмотрела на меня поверх лорнета с упрёком. — Я тебе двести раз рассказывала про Ормунда, а ты не помнишь, как её звали?

— Ты всегда говорила «моя подруга швея».

— Значит, я была неправа, — сдалась бабушка, и это было так на неё не похоже, что я поставила чашку.

Она откинулась в нарисованной тени кувшина. Краски на портрете стали глубже и теплее, как бывает, когда она что-нибудь вспоминает.

— Я сватала его деда. Красивый был ящер. Пришёл в первый раз в дождь, в восьмом часу вечера, хотя контора закрывалась в шесть. Стоял на крыльце, вода с него текла ручьями и шипела, так он был горяч. Говорит: «Мне нужна невеста, которая не испугается». А я ему: «Таких не бывает, господин Хорн, бывают такие, которые не показывают». Он расхохотался. Громко, у меня зазвенели стёкла в шкафу. А этот твой не смеётся.

— Он не мой, — буркнула я.

Колокольчика на кухне не было. Бабушка покосилась на меня так, будто он был.

— На свадьбе Ормунда этот твой не мой стоял у стены, — продолжила она. — Тридцать два года, по-драконьи мальчишка, тощий, рыжий, как этот Ларс, только злее. Мать его не явилась, сказалась больной. А он пришёл. Один. Смотрел на Тильду так, будто она украла у него деда. А Тильда, она была умница, подошла к нему с куском торта: «Я не умею готовить драконью еду. Научишь?» И он её научил. Через полгода я сама видела его у неё на кухне за чисткой рыбы. Сорок лет потом так и ходил: рыба, дрова, её счета, которые он читал вверх ногами.

— А потом?

— Потом она умерла, — просто ответила бабушка. — Сорок лет назад. Ормунд остался один, а мальчик больше не приходил: кухни не стало. И, судя по письмам, улыбаться разучился. Ормунд за него очень боялся. Писал мне: «Лукреция, он считает, что если не любить, то и терять нечего. Я его этому не учил. Он сам дошёл».

Я нашла в анкете графу сорок седьмую: «Страхи: нет», и рядом свою зелёную пометку: «ответ не подтверждён».

— Зачем ты мне это рассказываешь? Это же не для анкеты.

— Птичка, всё на свете для анкеты. Просто не всё в неё помещается.

Она ушла из натюрморта так же внезапно, как всегда, оставив за собой три груши и кувшин. Я слышала, как где-то внизу, в приёмной, скрипнула рама: бабушка, наверное, села над картотекой и сделала вид, что спит.

Я осталась одна с анкетой и холодным чаем. Открыла конец. Девяносто девятая графа, которую я добавила в Таблицу год назад и над формулировкой которой билась две недели: «Чего вы ждёте от брака, кроме самого брака?»

Пустая строка. Ни слова. Только в самом конце, мелко, острым почерком, крошечная звёздочка, знак сноски.

Я просмотрела все шесть листов. Поля, обороты, пространство вокруг гильдейского клейма, даже Ларсовы стихи, перечёркнутые «вновь» и «вдруг». Сорок три сноски с номерами. Ни одной со звёздочкой.

Она торчала в конце пустой графы, как гвоздь, на котором ещё ничего не висит. Ни того, чего он ждёт, ни даже «не знаю». Он просто оставил место.

Я закрыла анкету и легла. Уже под одеялом, в темноте, меня настигла совершенно непрофессиональная мысль: что окажется в этой сноске, мне хотелось выяснить сильнее, чем то, кого выдаст ему завтра Таблица.

Глава 4. Образец заполнения

Статья 23. Сверка производится по всей картотеке, без изъятий. Сваха, исключившая из сверки хотя бы одну карточку по личным причинам, обязана указать их в журнале приёма.

Кодекс свахи. Подчёркнуто зелёными чернилами, на полях пометка: «Зачем такое писать? Кто станет исключать?»

Таблица Вейс стояла в простенке между картотекой и окном, под чехлом из вылинявшего бархата, и снимать этот чехол я всегда любила, как другие любят поднимать крышку рояля.

Под бархатом был пюпитр из морёного дуба высотой мне по грудь, а на нём доска. Девяносто девять ячеек в одиннадцать рядов, каждая размером с монету. Семьдесят семь бабушкиных, с латунными ободками, потемневшими от шестидесяти трёх лет прикосновений. Двадцать две мои, со стальными, ещё светлыми. По бокам прорези: в левую вставляешь карточку клиента, в правую кандидата, и там, где ответы сходятся, загорается свет, а где нет, остаётся темнота. Внизу, под стеклом, узкое окошко, в котором из серебряной пыли складывается число. Доску сделал для бабушки гном-артефактор из Каменного Предела, тот, что потом, к её ужасу, познакомил маму с Хальваром. Бабушка звала его исключительно «этот камнетёс», но пользовалась его работой каждый день.

Карточку Северина Хорна я заполнила с утра, переписав в неё девяносто девять ответов из анкеты. Плотная, кремовая, с гильдейским клеймом, она принимала ответы условными знаками, понятными Таблице. Сноски в эту азбуку не входили. Сорок три пояснения я переписывать не стала, хотя рука, честно говоря, тянулась, а на обороте мелко вывела: «См. анкету. Внимательно». Пустую девяносто девятую графу пометила знаком «нет ответа»: звёздочки доска тоже не различала.

— Двадцать семь, — Гримбальд вышел из-за ширмы с первым ящиком в руках.

— Доброе утро, Гримбальд, — отозвалась я.

— Оно не доброе, оно двадцать седьмое с конца, — отрезал гном и поставил ящик рядом с пюпитром. — «Люди, А–Л». Я буду подавать. Вы будете вставлять. Карточки возвращаются на место в том же порядке, в каком вышли, иначе я за себя не отвечаю.

Это был наш ритуал. Сверку по всем ящикам мы делали вдвоём: Гримбальд подавал карточки, как подают инструменты хирургу, а потом убирал их обратно с той же аккуратностью, с какой гномы хоронят предков, по алфавиту и с надлежащим уважением. Я заранее отобрала только незамужних: дракону нужна была невеста, а не компаньон по висту. Девятьсот шестнадцать карточек. Люди, драконицы, эльфийки светлые и сумеречные, оборотницы, гномки, феи. На каждую уходило секунд двадцать: вставить, дождаться, пока доска прогреется и ячейки разгорятся, записать число, вынуть. Я перемножила в уме и решила больше не считать.

Я вставила карточку Северина в левую прорезь. Доска тихонько загудела, как гудит чайник перед тем, как закипеть.

— Ну, начали, — объявила бабушка.

Она с утра висела на своём месте и наблюдала за пюпитром в лорнет. Вид у неё был такой же, как в тот день, когда я впервые сама проводила сверку, в восемнадцать лет: смесь любопытства и сдержанного злорадства. Мне это не нравилось. Бабушка злорадствовала, только когда что-то знала.

* * *

К полудню мы прошли людей, дракониц и половину светлых эльфиек, и у меня затекла шея.

Таблица работала безупречно, как всегда. Она загоралась и гасла, число в окошке складывалось и рассыпалось, Гримбальд подавал и принимал, и под этот ритм думалось удивительно плохо. Людские карточки давали от двадцати до пятидесяти. Драконицы не дотянули

и до полусотни: выше всех, на сорок девять, поднялась одна из клана Алых, а сорок четыре дала та, у которой в графе «отношение к огню» значилось «предпочитаю без». Я выписала их отдельно, на случай если леди Ингрид придёт со своим списком.

— Это уже интересно, — бабушка оживилась. — Пусть Ингрид знает, как её невестки выглядят по Таблице.

— Примерно как гвоздь и подушка, — фыркнула я.

— Кто из них гвоздь?

— Все до единой.

Леди Эсмель из Светлого леса дала шестьдесят четыре. Я записала число в журнал, вгляделась в ячейки, где сошлось серебро, и отметила, что совпало в основном про сдержанность, этикет и нелюбовь к шуму. Для дракона и светлой эльфийки это много. Для печати мало. Печать загорается не от цифр, это всякий первокурсник Гильдейского училища знает, но проценты показывают, с какой стороны у союза дверь. Шестьдесят четыре означало, что дверь найдётся, но открывать её придётся с ломом.

В час дня к нам постучался мальчишка из пекарни, которого я вчера посылала на Медный холм, с конвертом из плотной бумаги.

— От рыжего. Он мне дал монетку. И велел передать, чтобы вы не спешили, потому что он тоже не торопится. А колокольчик на это зазвенел бы, говорит, а потом дал ещё одну.

— За что вторую? — удивилась я.

— Чтобы я это передал слово в слово, — мальчишка просиял и убежал.

Медь над столом за весь его рассказ не звякнула ни разу. Гримбальд за ширмой хмыкнул и, судя по звуку, что-то записал.

В конверте лежал лист, озаглавленный: «Дополнения к сноскам. Первые». Я развернула его у пюпитра, пока Таблица прогревалась на очередной эльфийке.

«К сноске 23. Ваш голубь, по моим наблюдениям, обдумывает. Прошу при сверке учитывать в графе „домашние животные, желаемые“ ответ „возможно“. В случае укуса ответ отзывается».

«К сноске 44. Кузен утверждает, что я люблю пирог с почками. Кузен лжёт. У нас дома нет колокольчика, поэтому прошу поверить мне на слово».

«К сноске 41. Вторая ночь. Без анкеты. Это не жалоба».

Почерк был тот же, мелкий и острый, но перо на этот раз ему досталось скверное: оно царапало бумагу, на «ж» в слове «жалоба» брызнуло, и в двух местах рядом с буквами темнели крошечные кляксы. Я посмотрела на свою подставку. Там, рядом с моим зелёным, торчало его перо, тёмное, тяжёлое, с медным наконечником.

Он его не забрал. Он сидел на Медном холме, в доме, где письменных принадлежностей было, наверное, больше, чем у меня скрепок, и писал дополнения каким-то чужим, брызгучим пером, а своё оставил в моей подставке и ни словом об этом не обмолвился.

— Птичка, ячейки погасли. Ты пропустила эльфийку.

Я поглядела в окошко. Там стояло «38». Я записала, вынула карточку, отдала Гримбальду. Тот принял её, глядя на меня поверх очков так, как смотрят на счёт, в котором не сходится последняя цифра.

— Что там? — потребовал он.

— Дополнения к сноскам.

— Сколько стоят дополнения к сноскам? В рабочее время?

— Ни гроша, — отрезала я.

— Непроизводительные расходы, — Гримбальд подал мне следующую карточку.

* * *

Остаток дня я помню плохо, как помнят долгую дорогу в дилижансе: одно и то же движение, одни и те же звуки, и пейзаж за окном меняется так медленно, что кажется, будто стоишь на месте.

Сумеречные эльфийки давали от двадцати до сорока, и у всех в «правдивости» стояло «абсолютная», а в «тактичности» прочерк. Оборотницы держались выше. Рута из клана Серых дала шестьдесят один, и я выписала её, вспомнив, что у неё ровный характер и хороший смех. Гномки давали неожиданно приличные числа, потому что гномы и драконы одинаково ценят золото и терпеть не могут, когда его трогают. Хильда Золотохват, наследница того самого банкирского дома, которому я была должна тысячу двести союзов, дала пятьдесят девять. Я записала её имя в журнал, долго на него смотрела и решила, что жизнь иногда бывает очень остроумной, просто у неё дурной вкус.

С феями пришлось хуже всего. Лилу, моя вторничная клиентка, дала результат, который менялся, пока я на него глядела. Число в окошке складывалось в «тридцать», потом расползалось и становилось «пятьюдесятью», потом «двенадцатью». Наконец я догадалась, в чём дело: графа «предмет склонности» у Лилу за последний час обновилась сама собой: карточки фей ведут себя как феи. Таблица, бедная, пыталась угнаться. Когда влюблённость, видимо, наконец остановилась на ком-то до вечера, число замерло на «57». Я записала его со знаком вопроса.

Гримбальд унёс последний ящик в половине восьмого. Мы оба стояли у пюпитра, и спина у меня ныла так, будто я весь день носила на ней дубовые ящики, а не вставляла в доску по одной карточке.

— Ну, и что вышло? — бабушка подняла лорнет.

Я перечитала журнал. Девятьсот шестнадцать строк, и в каждой число моим почерком, зелёным.

— Шестьдесят четыре. Леди Эсмель. Потом Рута, шестьдесят один. Потом Хильда Золотохват, пятьдесят девять. Дальше вниз. Выше шестидесяти четырёх нет никого.

Я перевела дух, будто весь день держала что-то в руках и только теперь положила. Только облегчения не было. Это походило на детский день рождения, когда ждёшь подарок в большой коробке, а там шерстяные носки. Полезные. Тёплые. Правильные. Шестьдесят четыре процента означали работу, смотрины по одной невесте за раз, этикет, сорок строф поэм, если эльфийка откажет. Означали тридцать дней, которых хватит, если повезёт.

— Вы пропустили одну, — напомнил Гримбальд.

Я обернулась. Гном стоял у ящика «Люди А–Л», уже задвинутого на место, и держал в руке кремовую карточку. Края у неё были потёртые, уголок загнут и разглажен, а в верхней части, там, где обычно стоит имя, моим ещё ученическим, круглым почерком было выведено: «Образец заполнения № 0».

— Это не карточка. Это образец, — возразила я.

— Она стоит в ящике.

— Потому что новеньким надо показывать, как заполнять. Бабушка её туда поставила. Это учебная.

— Карточка в ящике есть карточка в учёте, — Гримбальд взял тот голос, каким сообщал о долгах. — Статья двадцать третья. «По всей картотеке, без изъятий». Вы её сами подчёркивали.

Я посмотрела на бабушку. Она закрыла лицо веером. Над ним видны были только глаза, совершенно невинные, а такими они у неё бывали, только когда она прятала в рукаве козырного туза.

— Гримбальд, это моя карточка. Я заполнила её в восемнадцать лет, на уроке. Это несерьёзно.

— Тогда вам нечего бояться.

Гном подошёл к пюпитру и сам, впервые за все годы, что я его знала, вставил карточку в правую прорезь.

Таблица загудела.

Ячейки загорались по одной. Сначала бабушкины, латунные: серебро зажигалось в них ровно и спокойно, первая, вторая, пятая, десятая, без пропусков, как фонари вдоль Сиреневой улицы в сумерках. Я ждала, что одна из них останется тёмной. Двадцатая. Тридцатая. Сороковая. Потемнела девятнадцатая, отношение к чесноку: я его не выношу, а он ест. Я почти обрадовалась. Дальше снова пошло серебро. Пятидесятая. Шестидесятая. Шестьдесят шестая, температура в спальне, помедлила и погасла. Ещё одна. Семидесятая, семьдесят седьмая. Потом стальные ячейки, мои, вспыхивали одна за другой, и мне казалось, что я слышу, как они щёлкают. Восемьдесят вторая, «отношение к кофе», не отозвалась: я кофе не переношу, а Ларс вчера проболтался, что носил кузену кофе четыре раза за ночь.

Девяносто девятая загорелась: «нет ответа» сошлось с «не знаю», и Таблица сочла это совпадением.

Серебряная пыль в окошке закрутилась, собралась, распалась и сложилась снова.

«97».

В приёмной стало так тихо, что я услышала, как в клетке Купидон переступает с лапы на лапу.

* * *

Я проверила три раза.

Сначала протёрла доску замшей и вставила карточки снова, ровно, до щелчка. «97». Потом поменяла их местами, свою в левую прорезь, его в правую, хотя Таблица симметрична и от этого ничего не меняется. «97». Наконец сходила наверх, принесла анкету Северина и сверила все девяносто девять условных знаков на его карточке с ответами, графа за графой, потому что ошибка при переписывании всё объяснила бы. Ошибки не нашлось. «97».

Гримбальд проверил четыре раза. Он не доверял артефактам, никаким, даже тем, что гномы делали сами, и считал по старинке: вынес из-за ширмы счёты, сел на табурет у пюпитра, положил перед собой обе карточки и сверил их вручную, откладывая костяшку за каждое совпадение. Это заняло у него час. Потом он пересчитал с конца. Потом через одну графу, сначала чётные, потом нечётные. Потом, кажется, просто для собственного успокоения.

— Девяносто шесть и девяносто семь сотых, — наконец доложил он, сняв очки. — Таблица округляет. Я не стану.

— Спасибо, Гримбальд. Это очень помогло, — пробормотала я.

Я смотрела на свою карточку. Я не видела её девять лет, с тех пор как бабушка поставила её в ящик со словами «пусть стоит, пригодится». Добавляя в Таблицу новую графу, я всякий раз заполняла её на этом образце, чтобы проверить, как ложится условный знак, а на старые ответы не смотрела. Теперь пришлось.

Графа 7, «Храп». Мой круглый ученический почерк: «Не храплю (проверить некому)».

Графа 47, «Страхи». «Нет». А рядом, лиловыми бабушкиными чернилами, мелко: «Не подтверждено».

Графа 88, «Каким вы видите идеального супруга». «Тот, с кем сойдутся графы».

И графа 99, которую я добавила год назад и заполнила на образце уже взрослой рукой, острее и твёрже: «Чего вы ждёте от брака, кроме самого брака?» Ответ: «Не знаю (уточнить позже)».

Позже так и не наступило. Я ни разу ничего не уточнила.

За спиной у меня раздался звук. Сначала тихий, похожий на шуршание юбок, потом громче, с присвистом, потом совсем громко. Я обернулась. Бабушка хохотала, уронив веер на колени и откинувшись на спинку нарисованного кресла, так, как, по рассказам мамы, смеялась при жизни один раз, когда Гильдия выписала ей штраф за «чрезмерную успешность». Краски на портрете ходили волнами, лиловое платье переливалось, кружевной воротник съехал набок, а рама, тяжёлая, золочёная, качалась на гвозде всё сильнее.

— Бабушка, прекрати!

— Девяносто семь, — выговорила она, давясь. — Птичка. Девяносто… семь…

Гвоздь не выдержал. Портрет съехал со стены, задел край картотеки и с грохотом приземлился на пол, лицом вверх. Гримбальд уронил счёты. Купидон вылетел из клетки, сделал круг под потолком и сел на люстру. А бабушка лежала в своей раме и продолжала хохотать, только теперь ещё и икала.

Я подняла её. Рама весила, как маленький сундук. Гримбальд принёс новый гвоздь и молоток, я держала портрет, он забивал, и всё это время бабушка икала и смеялась, а когда мы наконец повесили её на место, вытерла глаза краем рукава и прошептала:

— Двадцать лет. Ах, старый ящер. Двадцать лет.

— Что двадцать лет? — спросила я.

— Ничего, — бабушка сразу посерьёзнела и подняла веер. — Не смотри на меня так, Корделия. Я старая женщина. Мне смешно.

Она назвала меня Корделией. Значит, сердилась, только не на меня, а на себя, за то, что проговорилась. Я знала её всю жизнь. Но спрашивать было бесполезно: если бабушка решала молчать, она могла уйти в натюрморт с грушами и сидеть там неделю.

* * *

Статья двадцать четвёртая Кодекса гласит: «Результат сверки заносится на оборот карточки кандидата рукою свахи, с указанием процента и имени клиента». Я делала это две тысячи раз. Рука справилась сама, пока голова думала о другом: перевернула карточку, обмакнула зелёное перо и вывела на обороте, под моим собственным девятилетней давности «Образец заполнения № 0»: «97%. Северин Хорн».

Я посмотрела на надпись и поняла, что натворила.

Сжечь образец было нельзя. Картотека по закону принадлежит Гильдии, каждая карточка в ней учтена, пронумерована и проверяется при аттестации. За уничтожение полагается штраф, а при отягчающих обстоятельствах отзыв лицензии. Аттестация ждала через двадцать восемь дней.

Оставить её в «Людях А–Л» тоже было нельзя. Туда каждый день лазил Гримбальд. Туда на аттестации полезет инспектор Гильдии. Туда, при желании, мог заглянуть любой, кто открывает ящик, чтобы показать новенькой, как заполнять.

А ещё была статья двенадцатая. Её я помнила, как собственное имя: «Сваха не вправе вступать в брак с лицом, состоящим у неё в картотеке». Северин Хорн числился в моём учёте с сегодняшнего утра. Я сама завела ему карточку, сама переписала ответы и сама вставила её в доску. Так что эти девяносто семь процентов ровным счётом ничего не значили. Это была арифметика, а не предложение. Курьёз Таблицы. Учебное упражнение, которое случайно совпало с реальным клиентом.

Я подошла к картотеке, присела и выдвинула самый нижний ящик, тот, что в углу, без латунной таблички. Там, в темноте, пахнущей пылью и старой бумагой, лежали карточки тех, кто умер, уехал или передумал. Бабушкины клиенты, которых уже нет на свете. Мамины, которые переехали к феям на острова. Мои, которые пришли, заполнили анкету и через неделю прислали записку: «Простите, я передумала, я лучше заведу кошку».

Я сунула образец туда, между покойным господином Фальком, торговцем рыбой, и кондитершей Бабетт, уехавшей к сыну на острова, и задвинула ящик.

Гримбальд стоял у пюпитра и протирал очки. Он видел всё и не проронил ни слова, пока я не поднялась и не отряхнула юбку. Тогда он надел очки и посмотрел на меня поверх них.

— В учёт я это не внесу.

— Спасибо. Правда.

— Но и вычёркивать не буду, — добавил гном. — Статья двадцать третья. Причины изъятия указываются в журнале. Вы их не указали.

— Гримбальд, пожалуйста.

— Я просто довожу до вашего сведения, — он взял счёты под мышку и ушёл за ширму.

Через минуту оттуда донеслось:

— Тёплое золото и девяносто семь процентов. Непорядок. Сплошной непорядок.

Купидон слетел с люстры, прошёлся по пюпитру, по двум стопкам выписанных карточек, остановился у нижнего ящика и долго, внимательно его разглядывал, наклонив голову. Потом поднял глаза на меня. Взгляд у него был тяжёлый и, честное слово, сочувственный.

— Не смей, — предупредила я.

Купидон отвернулся и ушёл в клетку.

* * *

Он постучал в начале одиннадцатого. Три раза, ровно.

Я ещё сидела в приёмной над журналом, при одной лампе, и делала вид, что составляю шорт-лист. На самом деле я уже полчаса смотрела на число «64» и не могла заставить себя написать рядом с ним что-нибудь, кроме имени.

— Открыто, входите, — я догадывалась, кто это, и помнила, что цепочка однажды уже не помогла.

Северин Хорн вошёл, пригнувшись, и остановился у двери. В приёмную вместе с ним ворвалось тепло, огонёк лампы выровнялся, и я поняла, что весь вечер мёрзла, только не замечала.

— Я видел свет с угла. Ехал из ратуши. Сверка закончена?

— Только что закончили, — ответила я.

Он подошёл к столу и остановился в шаге, не садясь. Скользнул взглядом по журналу, по столбцам чисел, по подставке, где торчало его перо, и ничего о нём не спросил.

— Ну и каков итог?

Я подняла глаза. Мне нужно было ответить одной фразой, ровно, как отвечают клиенту, а потом говорить о леди Эсмель, о светлых эльфах, о том, как устроить смотрины с учётом девяти томов этикета. Я сто раз за вечер проговорила эту фразу про себя. Она была простая и короткая.

— Лучший результат по картотеке — шестьдесят четыре процента.

Колокольчик над моей головой зазвенел.

Громче, чем вчера при Жози: долго, с переливом, на всю приёмную. Бабушка в раме подняла лорнет, Гримбальд, задержавшийся за ширмой с отчётом, перестал скрипеть пером, а Купидон высунул голову из-под крыла и издал звук, похожий на голубиное «ну вот».

Северин перевёл взгляд с меди на меня. Зрачок у него вытянулся в тонкую нитку и так и остался.

Щёки у меня горели. Я выговаривала каждое слово отдельно, как на экзамене:

— Лучший результат среди тех, кого я могу вам предложить.

Колокольчик промолчал.

— А кого вы не можете мне предложить? — очень спокойно поинтересовался он.

— Это тайна картотеки. Статья двадцать вторая.

Медь не отозвалась и на этот раз. Статья двадцать вторая действительно существовала. Я её не придумала. Тайна картотеки действительно охранялась законом. Каждое моё слово было правдой, а всё вместе враньём, но колокольчик, к счастью, проверял слова, а не намерения.

Северин Хорн стоял и смотрел на меня. Долго. Так долго, что я успела сосчитать удары своего сердца до двадцати и сбиться. Я ждала, что он спросит ещё. Что потребует показать журнал или картотеку, и тогда мне придётся ссылаться на статью, и он поймёт всё по тому, как я отказываю. Он не спросил.

— Шестьдесят четыре, — наконец произнёс он. — Хорошо. Расскажете мне про неё завтра.

Я вынула из подставки его перо и протянула ему. Он взял его, не глядя, как берут своё, и убрал во внутренний карман. Ни слова. Только пальцы на миг задели мои, горячие, как бок чайника.

Он повернулся к двери. Взялся за ручку. И остановился, не оборачиваясь.

— Госпожа Вейс, ваш колокольчик сегодня нервный.

— Он устал, — объяснила я. — Весь день считал.

Колокольчик звякнул. Коротко, тихо, почти извиняясь.

Северин Хорн обернулся через плечо. Губы у него оставались ровными, как всегда. Но в уголках глаз собрались те самые морщинки, которые я видела в первый вечер, и держались там, пока за ним не закрылась дверь.

Я сидела, слушала его шаги по Сиреневой и смотрела на нижний ящик в углу, без таблички. Он простоял там шестьдесят три года. Тёмный, дубовый, ничем не примечательный. Умершие, уехавшие, передумавшие.

Я не умерла, не уехала и не передумала. Я просто спрятала туда девяносто семь процентов и надеялась забыть о них раньше, чем мой клиент женится.

Глава 5. Список невест

Список невест составляется так же, как завещание: в здравом уме, при свидетелях и с полной уверенностью, что кто-нибудь останется недоволен.

Изречения Лукреции Вейс, записанные внучкой на обороте старого бланка

Список я начинала четыре раза.

Первый вариант вышел аккуратным, но в нём было шесть имён, а клиенту я обещала семь. Второй погиб под кляксой. Третий я разорвала сама: вывела в первой строке девятку, следом начала семёрку, и рука встала на полдороге, как лошадь перед канавой. Четвёртый лист лежал передо мной чистый.

С утра моросило. Купидон сидел в клетке, что с ним случалось редко, и смотрел на дождь с осуждением. Из-за ширмы доносилось ровное поскрипывание пера: Гримбальд считал, и по звуку было понятно, что итог ему не нравится.

— Двадцать шесть, — объявил Гримбальд, и перо за ширмой на миг замолчало.

— Я помню, — отозвалась я, не поднимая головы.

— Это не вам, госпожа Корделия, это себе. В моём возрасте важное полезно произносить вслух.

Он помнил всё, включая цену сургуча при бабушкином отце. Я обмакнула перо и вывела в первой строке: «1. Леди Эсмель из дома Утренней Росы, светлая эльфийка, 64%».

Дальше пошло легче. Сначала считает Таблица, потом думаешь ты; если наоборот, получается мамин третий брак. Своё она посчитала.

«2. Рута из клана Серых, оборотница, 61%». Весовщица на городской бойне, в графе «отношение к огню» значится «уважительное». Прямая, смешливая. Северин с его каменным лицом будет возле неё как скала у водопада, которой такое соседство пойдёт только на пользу.

«3. Хильда Золотохват, гномка, 59%».

За ширмой перо остановилось.

— Золотохват, — пауза вышла такая, какую выдерживают над описью арестованного имущества. — Из тех самых?

— Внучка старого Золотохвата. Единственная наследница банкирского дома.

— Того самого, которому мы должны тысячу двести союзов, — уточнил гном.

— Она в картотеке с прошлой зимы. За всю анкету колокольчик звякнул один раз, на графе «вес». Ищет мужа с капиталом и без склонности к долгам.

Гримбальд вышел из-за ширмы и сел в кресло для клиентов, чего не делал никогда.

— Госпожа Корделия, вы предлагаете сосватать нашему клиенту внучку нашего кредитора.

— Я предлагаю клиенту невесту с пятьюдесятью девятью процентами, — возразила я.

Гном подёргал среднюю косу, и медное кольцо на ней стукнуло о пуговицу нарукавника.

— Если она выйдет за дракона, долг останется в семье, — он сам испугался этой мысли. — Нет. Так не делается. Это конфликт интересов. Это… — нужное слово нашлось на самом почётном месте: — Это непроизводительно.

— Это пятьдесят девять процентов, — упрямо повторила я.

— От тысячи двухсот союзов это семьсот восемь. Я просто так считаю, — гном поднялся и ушёл обратно за ширму.

«4. Лилу, фея, 57%». Тут я помедлила. Графу «постоянство чувств» Таблица учитывает один раз, а не раз в неделю, и по всем остальным фея давала дракону неплохой результат. Я приписала мелко: «Смотрины во вторник утром. Не позже обеда».

«5. Госпожа Марлен Тук, вдова, человек, 55%. Семеро детей». Это я подчеркнула: пусть клиент заранее знает, что приданое бегает, ест и задаёт вопросы.

«6. Пиппа Квилл, человек, 52%. Помощница хранителя Городской библиотеки на Ткацкой». В графе «идеальный вечер» у неё стояло: «Чтобы никто не спрашивал, что я читаю».

«7. Ирма Кольб, вдова мельника, человек, 50%».

Я поставила точку. Семь строк зелёными чернилами, шестьдесят четыре наверху, пятьдесят внизу. Ровная лесенка, по которой не стыдно пустить клиента.

— Красиво вышло, — заметила бабушка.

Она давно вернулась в раму над картотекой и, судя по всему, читала через моё плечо.

— Спасибо, я старалась.

— Только первой строчки не хватает.

Я положила перо.

— Первая строчка на месте. Шестьдесят четыре процента.

Бабушка обмахнулась веером, неторопливо, как перед долгим рассказом.

— Первая строчка, птичка, лежит у тебя в нижнем ящике, в углу, между покойным господином Фальком, торговцем рыбой, и кондитершей Бабетт, которая уехала к сыну на острова. Я туда заглянула. Господин Фальк тебя прекрасно оттеняет. Он тоже был очень аккуратный.

— Это образец заполнения.

— Это девяносто семь процентов, — невозмутимо поправила бабушка.

— Это ошибка Таб… — я осеклась и закрыла рот.

Колокольчик висел над моей головой и ждал. Я видела, как он ждёт: медная чашечка чуть качнулась, хотя сквозняка не было. Таблица не ошибается, я сама твердила это клиентам сто раз на дню, а вчера вечером эта медяшка без чувства такта уже дважды занесла моё мнение в протокол.

— Образец, и только, — отрезала я.

Колокольчик разочарованно затих. Бабушка посмотрела на меня поверх лорнета, как учительница, у которой лучшая ученица впервые списала, причём грамотно. Я раскрыла журнал и сделала вид, что меня очень занимает правописание фамилии «Кольб».

* * *

Леди Ингрид Хорн вошла в контору в одиннадцать, и морось за её спиной прекратилась. Совпадение это было или драконья любезность, не знаю.

Она была выше любой женщины, которую я встречала, и держалась так прямо, что рядом с ней хотелось проверить собственную осанку. Седые волосы короной, в них медные пряди, будто по серебру провели раскалённой иглой. Тёмно-красный бархат, рубины в ушах и на каждом пальце. Глаза того же цвета, что у сына, только холоднее, как янтарь, пролежавший зиму на подоконнике.

Купидон пошёл в атаку раньше, чем я успела встать: растопырив крылья, с налитым кровью глазом, спикировал прямо на рубиновую руку, державшую зонт. Леди Ингрид руку не отдёрнула. Она повернула голову и посмотрела на голубя, вот и всё. Купидон затормозил в воздухе так резко, что его развернуло боком, неловко шлёпнулся на край моего стола, постоял, поджав одну лапу, и ушёл в клетку пешком, ни разу не обернувшись.

Гримбальд потом уверял, что за сорок лет службы в конторе не видел ничего подобного.

Я поднялась из-за стола.

— Леди Хорн. Корделия Вейс. Прошу вас.

— Я знаю, кто вы, милочка, — бросила она.

«Милочка» прозвучало так, как судья объявляет номер статьи перед приговором. Гостья обвела взглядом приёмную и задержалась на портрете.

— Здравствуй, Лукреция.

— Ингрид, — бабушка подняла веер. — Ты постарела.

— А ты, я вижу, нет. Это и есть посмертная лицензия? Я думала, она дороже выглядит.

— Она дороже стоит, — хмыкнула бабушка. — Выглядеть ей незачем.

Они смотрели друг на друга с нежностью двух старых соперниц, переживших всех остальных. Я и не знала, что они знакомы.

Леди Ингрид села в кресло для клиентов, поставила зонт рядом, остриём в пол, и достала из бархатного ридикюля свиток. Развёрнутый на моём столе, он лёг поверх списка, журнала и чернильницы, перевалился через край и свесился до пола. На нём было семь имён, каждое с гербом и родословной до десятого колена.

— Это невесты для моего сына. Начнёте с них.

— Леди Хорн, в договоре с вашим сыном есть пункт девятый: кандидаток из вашего списка я не представляю ему без его отдельного согласия. К тому же завещание, насколько я знаю, исключает вас из процедуры. «Без участия Ингрид».

— Я прочла завещание семь раз, милочка, — она расправила на колене перчатку. — Там сказано, что сына сватает человеческая сваха без участия матери. О том, что невеста должна быть из людей, ни слова. И я не участвую. Я принесла бумаги. Список составила не я.

— А кто же? — спросила я.

Ридикюль открылся второй раз, и на стол легла стопка, перевязанная красной лентой. Семь анкет на гильдейских бланках с водяным знаком.

— Матери невест. Драконицы не заполняют анкет сами, за них это делают матери. Все семь написаны собственноручно. Моей руки там нет ни строчки, можете проверить почерк.

Колокольчик промолчал: формально это была правда.

— Он не может проверить мать, которая пишет за дочь, — объяснила я. — Он слышит только тех, кто сидит в комнате.

— Значит, вам придётся поверить матерям. Как верю им я, — ответила леди Ингрид.

Бабушка тихо фыркнула в веер.

Я развязала ленту. Анкеты были заполнены крупным решительным почерком без единой помарки, и уже это настораживало: ни одна честная анкета не обходится без кляксы в графе «привычки». Сигрун из клана Алых, её я уже знала: она стояла у меня в картотеке и вчера дала сорок девять. Асгерд из Серебряных, тоже знакомая, сорок четыре и «предпочитаю без» в графе «отношение к огню». Торвейг из Бронзовых. Ильва и Ольва из Чёрных, близнецы, в графе «особые условия» приписка: «Дочери неразлучны, рассматриваются только вместе». Гейра из Золотых, двести девяносто шесть лет. Ракель из Медных.

Последнюю анкету я отложила в сторону.

— Ракель из Медных.

— Хорошая девочка. Знает генеалогию наизусть.

— Тогда она знает, что приходится вашему сыну троюродной сестрой. Кодекс свахи, статья двадцать девятая: брак между родственниками до третьей степени включительно сваха не заключает и в списки не вносит.

Леди Ингрид подняла одну бровь, будто делала мне одолжение.

— У драконов третья степень не считается родством.

— У драконов, может быть. А у Гильдии считается. Вы ведь хотите, чтобы брак засчитали?

— А близнецы? — поинтересовалась она, не сдаваясь.

— Близнецов я не могу выдать за одного дракона. Статья сорок третья.

— Одна будет женой, другая при ней.

— При ней кем?

Леди Ингрид подумала.

— Компаньонкой, разумеется.

— Тогда пусть компаньонка заполнит отдельную анкету. Гримбальд, у нас есть такой бланк?

— Нет. И не будет, — проворчал гном из-за ширмы.

Леди Ингрид откинулась в кресле и сложила руки на набалдашнике зонта.

— Вы дерзкая, — протянула она без всякой обиды.

— Я сваха, леди Хорн. Дерзость тут ни при чём, у меня Кодекс.

— Считайте. Я подожду.

Я считала час. Сама сверка идёт быстро, но сначала каждую анкету нужно перенести условными знаками на карточку, а матери драконьих невест писали размашисто, с завитками, и на «привычки» у каждой уходило по полстраницы. Близнецов я переносила отдельно, назло. Леди Ингрид смотрела, как на доске загораются серебром ячейки, и на её лице не было ничего, кроме вежливого интереса, но после третьей анкеты она пересела поближе.

Пока я работала, Гримбальд принёс гостье травяного отвара. Леди Ингрид отпила, поморщилась: «Холодный», и подержала чашку в ладонях, пока отвар не забулькал.

Я опустила на доску бархатный чехол.

— Сигрун из Алых, сорок девять. Асгерд, сорок четыре. Торвейг, тридцать один. Ильва, тридцать восемь. Ольва, тридцать шесть, у неё в графе «музыкальность» стоит «поёт по утрам», а ваш сын на этот вопрос ответил сноской, которую я при вас читать не буду. Гейра, девятнадцать. Ракель не считала. Статья двадцать девятая.

— Девятнадцать? — переспросила леди Ингрид. — У Гейры самый большой клад в Золотом клане.

— У Гейры в графе «отношение к переменам» написано «отрицательное, последние двести лет». Ваш сын переставляет мебель. Он сам указал. Со сноской.

В эту минуту открылась дверь, и вошёл её сын.

Северин Хорн остановился на пороге и разом увидел всё: мать в кресле, свиток на полу, непривычно смирного голубя, меня. Зрачки у него сузились в нитку и снова раскрылись. За его плечом маячил Ларс с книжечкой в кармане сюртука, оттопыривавшей ткань ровно на сердце.

— Доброе утро, мама.

— Сын мой.

— Ты не говорила, что поедешь в нижний город.

— Ты не спрашивал, — отрезала леди Ингрид. — Я принесла госпоже Вейс список.

— У госпожи Вейс есть свой.

— Я видела, — Леди Ингрид постучала ногтем по моему листу, на котором лежал угол свитка. — Там вдова с семью детьми и фея.

— Люди, нелюди и одна фея, — вставила я. — Строго по Таблице.

— И ни одной драконицы, — заметила она.

— Драконицы получили от девятнадцати до сорока девяти. Мой список начинается с шестидесяти четырёх.

Северин подошёл к столу. Двигался он очень тихо для своего роста, и от него шло ровное сухое тепло, будто рядом поставили нагретый за день камень. Он отодвинул свиток двумя пальцами, взял мой лист и прочитал, дважды задержавшись на Хильде Золотохват.

— Шестьдесят четыре. Та, о которой вы обещали рассказать.

Больше он ни о чём не спросил. Только поднял взгляд на колокольчик, коротко, как поглядывают на соседа, который вчера при всех ляпнул лишнее, и снова уткнулся в лист. У меня похолодели пальцы. Бабушка на портрете закашлялась так выразительно, как умеют только те, у кого нет лёгких.

Северин провёл пальцем вниз по столбцу цифр.

— Торвейг меня боится. Гейра тоже. С Асгерд я был помолвлен сорок лет назад, она разорвала дело, когда я переставил в библиотеке шкафы. Ракель я учил летать. Начнём с шестидесяти четырёх.

— Северин.

— Мама, я нанял сваху. Выбирать за неё было бы неуважением к ремеслу. Ты ведь сама этого не терпишь.

Ларс за его спиной издал странный звук и закашлялся под взглядом тётушки.

— Я принесла список не для того, чтобы его выбросили, — сухо напомнила леди Ингрид.

— Его никто не выбросит. — Я вытянула из стопки анкету в гербах. — Сигрун из клана Алых получила сорок девять процентов. Это не шестьдесят четыре, но и не девятнадцать. Если господин Хорн даст отдельное согласие по пункту девятому, я включу её в список.

Северин и мать посмотрели друг на друга, и в приёмной на полградуса потеплело.

— Даю, — уступил Северин. — На одну.

— Первой, — немедленно потребовала леди Ингрид.

— Четвёртой, — возразил сын.

— Тогда третьей.

— Четвёртой, леди Хорн, — вмешалась я. — Третья у меня гномка, она уже предупреждена, а гномы не любят, когда их передвигают в очереди. Это примета на убыток.

Леди Ингрид перевела взгляд на сына.

— Четвёртой. Фею тогда пятой, вдову шестой, библиотекаршу седьмой. Мельничиху я вычёркиваю.

— А её за что? — удивилась леди Ингрид.

— У неё в анкете «боится высоты». Я дракон.

Я вычеркнула сама, нажала слишком сильно, и кончик пера треснул вдоль, превратив строчку «Ирма Кольб» в лужицу. Ближе всего лежало то, что Северин выложил из кармана, когда брал лист: тёмное, тяжёлое, с медным наконечником. Я обмакнула его в свою чернильницу и вписала четвёртой строкой: «Сигрун из клана Алых, драконица, 49%», перенумеровав остальных стрелками.

Ларс издал тот же странный звук, только громче. Леди Ингрид очень медленно перевела взгляд с моей руки на сына.

Северин промолчал.

Я дописала, вытерла медный наконечник о промокашку и протянула перо хозяину. Он взял, не глядя, и убрал в карман. Мне показалось, что Ларс сейчас сядет на пол.

Леди Ингрид поднялась и скатала свиток одним движением.

— Хорошо. Четвёртой. Но раз вы будете приводить невест в дом Хорнов, госпожа Вейс, вы сначала сядете за наш стол.

— Мама, это лишнее, — голос у Северина стал другим.

— Это обычай, сын мой. Тот, кто ведёт чужих женщин к нашему очагу, сначала ужинает у этого очага сам. При всех. Если выдержит до конца, получает право. Твой дед проводил через это даже портниху, которая шила ему свадебный сюртук.

— Испытание огнём устраивают невестам.

— Не только. Его устраивают тем, кому мы доверяем дом. А я не доверю его свахе, пока не посмотрю, как она ест. Сегодня в семь. Медный холм, ворота с ящером, вы не перепутаете.

— Госпожа Вейс не обязана… — начал Северин.

— Обязана, господин Хорн, — перебила я.

Они оба посмотрели на меня.

— Кодекс свахи, статья тридцать пятая: «Сваха уважает обычаи рода клиента, если они не противоречат закону и уставу Гильдии». У Кодекса к ужину возражений нет. Я приду.

Леди Ингрид, кажется, впервые за весь визит посмотрела на меня с интересом. Так смотрят на шахматную фигуру, которая неожиданно оказалась не пешкой.

Она уже взялась за ручку двери, когда обернулась.

— Я ничего не имею против людей, милочка. Поймите меня правильно.

Колокольчик звякнул.

Ларс зажмурился. Северин на секунду прикрыл глаза, как человек с больной головой. Бабушка захохотала в голос, а леди Ингрид подняла взгляд на колокольчик и посмотрела на него так же, как час назад на Купидона. Тот качнулся ещё раз и затих, по-моему, виновато.

— Хорошо работает, — одобрила леди Ингрид. — Это внушает доверие. В семь.

И вышла. Дождь, к слову, так и не пошёл.

* * *

Дневной выпуск «Вестника Арвена» принесла Жози.

Был третий час. Гримбальд ушёл в банк «Золотохват и сыновья» просить отсрочки, с видом гнома, которого ведут на казнь, и оставил на моём столе записку: «Двадцать шесть. Фарфор цел. Г. Ш.». Я переписывала список начисто в журнал. Об испытании огнём в бабушкиных тетрадях нашлась одна строчка, подчёркнутая дважды: «За стол сажают у самого очага», и приписка: «Надевать хлопок».

Жози влетела без стука, с газетой в одной руке, куском пирога на тарелке в другой и булавкой в углу рта.

— Дорогуша, ты в газете!

— Я каждую неделю в газете, — буркнула я. — Корро платит «Вестнику», чтобы я там была.

— Не так. — Жози сунула мне пирог и развернула листы на столе, усыпав их крошками. — «Шёпот за фатой». Читай.

Я прочитала.

«Говорят, наследник покойного Ормунда Хорна на этой неделе переступил порог скромной брачной конторы в нижнем городе. Медный дракон ищет жену через свах. Неужели дела так плохи? Мадемуазель Вуаль сочувствует бедному ящеру и напоминает, что в Свадебном доме Корро судьбу подбирают по звёздам, а небо ещё никому не отказывало».

— Скромная, значит, — пробормотала я.

— Тебя задело «скромная»? — изумилась Жози. — Не «бедный ящер»?

— Ящер может за себя постоять. Но откуда они узнали? Договор подписан здесь, ночью, при закрытых ставнях. Свидетели: я, бабушка и голубь.

Жози села на край моего стола.

— Дорогуша, о том, что к тебе ходит дракон, знает весь квартал. Пекарь испёк булочки в виде ящериц.

— Это не значит, что газета…

В дверь постучали. Три раза, ровно.

Лицо у Жози стало таким счастливым, будто ей принесли четвёртую свадьбу на блюде с цветами.

— Меня тут не было, — громким шёпотом сообщила она. — Ларс с ним?

— Понятия не имею.

— Если Ларс с ним, передай, что «кровь» с «любовь» мы больше не рифмуем. Я ему вчера всю книжечку исчеркала. Он плакал, но тихо, по-мужски, — и она выскользнула через кухню, на ходу заправив мне за ухо выбившуюся прядь.

Я открыла дверь.

Северин стоял на крыльце один. В руке у него была та же газета, свёрнутая трубкой, и по её краю ползла тонкая оранжевая кайма, от которой тянуло жжёной типографской краской.

— Вы читали.

— Только что. Входите, пожалуйста, пока у меня на крыльце не загорелась сирень.

Он вошёл и остановился посреди приёмной, держа газету как улику.

— Кто им сказал? — спросил он.

— Не знаю.

— Вы вели переговоры при свидетелях. Ваша бабушка…

— Бабушка не выходит дальше порога. Мой бухгалтер, которого в тот вечер не было, не сказал ни одного лишнего слова даже собственной бороде. Голубь, будь он разговорчив, знал бы одни ругательства. А я никому ничего не рассказывала.

Колокольчик промолчал. Северин глянул на него так, как смотрят на часы, когда и так знают время.

— Вижу, — признал он. — Если бы проболтались вы, он бы сейчас оглох от собственного звона.

Он прошёл к окну, развернул газету и прочёл вслух, ровно, без выражения, как читают протокол:

— «Неужели дела так плохи».

В приёмной потеплело. Сначала даже приятно: камин я не топила, берегла дрова. Потом огонёк спиртовки, на которой я грела сургуч, вытянулся вверх на целую ладонь, от мокрой подстилки в клетке Купидона пошёл пар, а газета в руках Северина почернела ещё на палец.

— Господин Хорн, у меня картотека. Две тысячи сто сорок бумажных карточек в дубовых ящиках. Если вам хочется что-нибудь поджечь, поджигайте, пожалуйста, на крыльце.

Он сжал газету в кулаке, а когда разжал, на ладони лежала горстка серого пепла, лёгкого, как пух. Он высыпал её в мою пустую чернильницу для запасных перьев, аккуратно, до крупинки.

В приёмной стало прохладнее.

— Простите, — глухо обронил он.

— Пепел вытряхивается.

— Я не про пепел.

Я ждала. Сваха, которая не умеет молчать, узнаёт о клиенте только то, что он сам указал в анкете, а Северин Хорн вписал в свою очень мало правды и очень много сносок. Он стоял у окна и смотрел не на меня, а на латунные таблички картотеки.

— Я сто двенадцать лет жил так, что про меня нечего было написать. Вёл дела клана, когда дед уже не мог. Сидел в Королевском совете по налогам, где никто не помнит моего имени, потому что я никогда не ошибаюсь. Обо мне в этой газете писали один раз, когда я заплатил за ремонт моста в Нижнем порту, и тогда перепутали фамилию.

— А теперь не перепутали.

— Теперь её знает весь Арвен, — лицо у него не дрогнуло. — Дед мог отдать всё Гордону, это было бы понятно, его все любят. Мог отписать мне, я три десятка лет тянул клан. А он придумал условие. Тридцать дней, сваха, печать. Выставил меня в витрину на Сиреневой улице, чтобы город стоял у стекла и смотрел, как Северин Хорн покупает себе жену по таблице.

— Вы не покупаете, — поправила я. — Вы платите свахе. Это разные вещи.

— Объясните это «Вестнику», — огрызнулся он.

— Газете я ничего объяснять не стану. Ей платит Корро, а мне вы. Я работаю на того, кто даёт больше и при этом не врёт.

Это было плохо: сухо, гладко, по-деловому, так я разговаривала со всеми, кто приходил сюда с бедой и нуждался, чтобы с ним толковали о графах, а не о несчастье. Северин посмотрел на меня, и в его глазах впервые не было ни иронии, ни холода. Там было то, что я видела у вдовцов, которые являются через год после похорон и уверяют, что жена хотела бы, чтобы они снова женились, а сами не верят ни одному своему слову. Не горе, его я узнаю сразу. Обида. Давняя, ещё живая, аккуратно сложенная и убранная в ящик с надписью «Не открывать».

На кого можно так обижаться, если человек уже умер и ничего не объяснит?

— Он вам писал? Перед смертью?

Северин отвернулся к окну.

— Нет. Дед переписывался только с вашей бабушкой. Он и со мной говорил так, будто диктовал ей.

Потом выпрямился, и всё, что я видела в его лице минуту назад, ушло туда же, откуда пришло. Ящик закрылся.

— В семь, — голос снова стал ровным. — Мама не любит опозданий. Наденьте что-нибудь, что не жалко.

— У меня одно приличное платье. Его жалко.

— Тогда наденьте его. Я прослежу, чтобы вас посадили не слишком близко к огню.

— Ваша мать сказала, у самого очага, — напомнила я.

— У мамы своя рассадка, у меня своя. — Он взялся за ручку двери и остановился. — Госпожа Вейс. Вы так и не рассказали мне про шестьдесят четыре.

— Леди Эсмель, светлая эльфийка, двести девять лет. Любит книги о путешествиях и тишину. Если вы ей не подойдёте, она откажет вам в стихах.

— И длинных? — поинтересовался он.

— Не короче тридцати строф. Иначе это пощёчина.

Он подумал.

— А вы мне в чём откажете, если я не подойду?

Над моей головой висел колокольчик. В нижнем угловом ящике, между торговцем рыбой и кондитершей, лежала карточка, исписанная моим восемнадцатилетним почерком.

— Я вам не невеста, господин Хорн, — ответила я. — Мне отказывать не в чем.

Колокольчик не звякнул. Северин постоял ещё секунду, будто ждал второго ответа, и ушёл. Шаги его по Сиреневой затихли быстро: драконы ходят широко.

Я взяла чернильницу с пеплом и подошла к окну, чтобы вытряхнуть её на клумбу. Пепел был ещё тёплым. Я вернула её на стол, в дальний угол, за журнал, и пообещала себе, что вытряхну утром.

Купидон смотрел на меня из клетки, склонив голову набок.

— Не твоё дело, — сообщила я голубю.

Он отвернулся. Голуби, в отличие от колокольчиков, умеют выражать мнение без звука.

Глава 6. Ужин с огнём

Обычаи рода: испытание огнём, то есть ужин с моими родственниками. Пережить можно.[1]

[1] *Я пережил сто двенадцать раз. Правда, я огнеупорный.*

Анкета клиента С. Хорна, графа 71 «Семейные традиции», со сноской

Жози держала в зубах сразу четыре булавки, поэтому приговор вынесла сквозь них:

— Хлопок. Бабушка права, дорогуша. Шерсть у очага вспыхивает, как сухая солома. Я видела, как одна невеста на свадьбе прислонилась к канделябру. Фата горела так красиво, что гости аплодировали.

— Платье свахи при исполнении шьётся из серой шерсти установленного образца, — возразила я. — Кодекс, статья пятая.

— Твоя пятая статья у драконов не ужинала.

— Кодекс писали люди, которые были везде, — огрызнулась я.

Жози вынула булавки изо рта, воткнула их в подушечку на запястье и посмотрела на меня так, как смотрела на клиенток, желавших венчаться в красном, потому что это смело.

Мы стояли в её ателье, за витриной, в которой манекен в белом изображал невесту с таким выражением, будто жених опаздывает уже второй час. Было пять часов дня. Гримбальд утром вместо «доброго утра» объявил «двадцать шесть», потом выдал мне из конторской кассы два кольца на извозчика и тут же записал их в книгу под заголовком «Расходы по драконам». Бабушка ещё до завтрака надиктовала мне правила, которые помнила со времён Ормунда, и я переписала их на карточку и убрала в рукав: есть всё, что подадут; воды не просить; из-за стола не вставать, пока не встанет хозяйка; на три вопроса матери рода отвечать правду; посуду не хвалить.

— Почему посуду не хвалить? — спросила Жози, когда я ей прочла.

— Драконы ревнивы к вещам, — объяснила я. — Если гость хвалит чашку, хозяин всю ночь не спит и думает, не собирается ли тот её унести.

— А если похвалить хозяина? — поинтересовалась Жози.

— Про хозяина бабушка ничего не говорила.

Жози хмыкнула и ушла в заднюю комнату. Вернулась она с моим же серым платьем, которое я оставила ей перед обедом, только теперь оно было лёгким, как носовой платок. Я подняла его на руке и не поверила.

— Что ты с ним сделала?

— Выпорола шерстяную подкладку и вшила хлопковую, тонкую, с южных островов. Снаружи серая шерсть установленного образца, Кодекс доволен. Изнутри ты не сваришься. А воротничок я тебе накрахмалила так, что им можно резать хлеб. Пусть видят, что в нижнем городе тоже умеют держать голову.

Я не нашлась с ответом. Со мной такое бывает редко, и Жози это знала, поэтому сделала вид, что не заметила, и только похлопала меня по плечу.

— И чулки красные, — добавила она.

— Нет, Жози.

— Красные с сердечками, — Жози пропустила моё «нет» мимо ушей. — Для храбрости. Под платьем никто не увидит, а тебе будет теплее на душе.

— Мне и без чулок будет жарко, — возразила я. — Там очаг.

— На душе, дорогуша. Очаг греет только снаружи.

Я надела красные. Мы обе знали, что я их надену, ещё до моего «нет».

Ровно в шесть у конторы остановилась карета. Тёмно-зелёная, с медным ящером на дверце, запряжённая парой рыжих коней, которые косились на сиреневые кусты так, будто

подозревали их в чём-то. Из неё выпрыгнул Ларс, упустил шляпу, поднял, увидел Жози в дверях ателье, уронил снова и покраснел ушами до цвета собственных волос.

Смотрел он на Жози, а обращался ко мне:

— Госпожа Вейс, кузен прислал за вами. Он собирался отвезти вас сам, но его задержала мама, и он распорядился, чтобы я, а мама велела, чтобы не он, а я, и вот я.

— Здравствуй, Ларс, — откликнулась Жози. — Ты переписал про морковь?

— Да. Теперь там «свекровь».

— Это ещё хуже, — простонала Жози.

— Я знаю, — в голосе Ларса звенело отчаяние. — Но других рифм на «любовь» в языке нет. Я проверял по словарю.

Жози вынула из кармана огрызок красного карандаша и протянула ему.

— На обратном пути зайдёшь. Разберём. Делию верни целой, с воротничком.

Всю дорогу до Медного холма Ларс читал мне вслух стихи, черкал в книжечке красным карандашом и спрашивал, считается ли «кровь» рифмой, если речь о драконьей, а не о человеческой. Я ответила, что Гильдия брачных посредников в вопросах рифмы не компетентна. Он записал и это.

* * *

Особняк Хорнов стоял на самой вершине Медного холма, и я, честно говоря, ожидала замка. Замка не оказалось. Был дом из красного камня, высокий, без башен и украшений, похожий на кирпич, поставленный на попа, с огромными окнами в два этажа каждое и дверями, в которые при нужде, наверное, проходил целый дракон, не сложив крыльев. Во дворе горели жаровни. Ворота я бы действительно ни с чем не перепутала: медный ящер на створках был в натуральную величину, и кто-то начистил ему нос до блеска.

Северин встретил нас в холле.

— Я опоздал, — это было вместо приветствия.

— Вы? Я думала, это мне пора извиняться.

— Мама задержала меня, чтобы обсудить, куда вас посадить, — пояснил он. — Обсуждение закончилось не в мою пользу.

Он посмотрел на мой воротничок, потом на причёску, потом, быстро, на подол, и на секунду мне показалось, что он видит сквозь шерсть установленного образца мои чулки. Щёки у меня загорелись, чего с ними не бывало с восемнадцати лет. Потом он предложил мне локоть, и я положила ладонь на его рукав. Ткань была горячая.

Столовая Хорнов занимала половину первого этажа. Потолок терялся где-то в тенях. Длинный, из красного дерева, рассчитанный человек на сорок, стол был накрыт только на семерых, все приборы на одном конце, на том, что упирался в очаг размером с мою приёмную. Внутри горело бревно толщиной с Гримбальда, и рядом было как у открытой дверцы хлебной печи, если бы та занимала стену.

Моё место было у самого огня. Я поняла это по приборам: передо мной лежала медь, а не серебро, которое у очага плавится.

Голос леди Ингрид донёсся с другого конца, из-под высокой спинки кресла, обтянутого красной кожей:

— Милочка, садитесь. Вы не опоздали. Это хорошо. Значит, мне не придётся начинать с упрёков.

— Благодарю, леди Хорн.

— Это ещё не любезность, — отрезала леди Ингрид. — Это наблюдение.

Рядом с ней сидела очень старая драконица в чёрном кружеве, с лицом, похожим на сморщенное яблоко, и с глазами ярко-жёлтыми, как два одуванчика. Она смотрела на меня не мигая, а потом на всю столовую грянуло:

— ЭТО ОНА?

Северин отодвинул мне стул.

— Это она, тётушка Гуннхильд.

— ТОЩАЯ, — объявила тётушка. — НО ГЛАЗА НИЧЕГО. ЛУКРЕЦИЯ БЫЛА ТАКАЯ ЖЕ. ОРМУНД ГОВОРИЛ, ЧТО ЕЁ МОЖНО БЫЛО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ВМЕСТО ЛИНЕЙКИ.

— Тётушка Гуннхильд, сестра моего деда, — шепнул мне Северин. — Двести шестьдесят лет. Почти глухая. Слышит всё.

Я села. Жар от очага лёг мне на спину, как тяжёлая рука, и я мысленно расцеловала Жози за хлопковую подкладку.

В эту минуту дверь в дальнем конце распахнулась, и вошёл мужчина, которого я видела на газетных рисунках под подписью «Гордон Хорн, душа общества» и всё равно не узнала бы, потому что художники ему врали. Он был выше Ларса и ниже Северина, светлее обоих, почти золотой, и сиял так, будто входил не в столовую к тётке, а на собственный праздник. На щеках ямочки. В петлице белый цветок. От него пахло чем-то сладким и ночным, и запах шёл впереди него на два шага.

Гордон поцеловал леди Ингрид руку.

— Тётушка, вы сегодня похожи на королеву, которая только что выиграла войну. Гуннхильд, сокровище моё, вы помолодели на сто лет! Ларс, у тебя чернила на носу. Северин… — тут он остановился и широко раскинул руки. — Братец. Не обнимаю, знаю, что ты не любишь. И, наконец…

Он повернулся ко мне.

— Наконец, та самая сваха, о которой весь Арвен говорит с обеда. Госпожа Вейс. Читал о вас в дневном «Вестнике». Не верьте ни одному слову, они и про меня пишут, что я легкомыслен.

— А вы не легкомысленны? — спросила я.

— Ужасно легкомыслен, — Гордон уселся напротив меня. — Но им-то откуда знать?

Тётушка Гуннхильд захохотала так, что звякнули бокалы. Ларс хихикнул. Леди Ингрид произнесла «Гордон» тем тоном, каким говорят «перестаньте», но по её лицу было видно, что всерьёз она этого не просит. Северин сел рядом со мной, на угол стола, ещё ближе к огню, так что его плечо заслоняло меня от очага, и сделал вид, что так и было задумано рассадкой.

Гордон вынул из петлицы белый цветок, перегнулся через стол и положил передо мной.

— Это вам. Ночной жасмин. Чтобы в этом доме у вас было хоть что-то прохладное.

Раз уж мне дарили, я приколола цветок к воротничку. Пахло от него тем же, чем от Гордона, только слабее. Графа 36, «манера ухаживать»: широкая, щедрая, без расчёта на ответ. Я записала это мысленно и тут же вычеркнула: Гордон Хорн не был моим клиентом.

— Благодарю. А одеколон у вас из того же сада?

— «Ночной жасмин» от Дюпре, с бульвара Белых лип, — охотно отозвался он. — У вас нос свахи, госпожа Вейс. Это опасно. Вы нас всех разнюхаете.

— СУП! — тётушка Гуннхильд ударила ложкой по столу.

* * *

Суп горел.

Его внесли двое слуг в кожаных перчатках по локоть, в медной посудине размером с таз, и над ней стоял столб синего пламени высотой в ладонь. Один из них разлил его половником, и каждая тарелка горела своим маленьким костром. Пахло перцем, вином и чем-то, что я не смогла опознать и решила не выяснять.

Драконы взяли ложки и начали есть. Прямо так. Огонь лизал им пальцы, Гуннхильд прихлёбывала вместе с пламенем и жмурилась от удовольствия, Ларс дул на ложку, но не чтобы погасить, а чтобы, как я поняла, разжечь сильнее. Леди Ингрид ела медленно, не сводя с меня глаз.

Я смотрела в свою тарелку. Задуть пламя было нельзя: на карточке в рукаве бабушкиной диктовкой стояло: «Не дуй. Дуть на еду в доме дракона значит объявить, что хозяйка не умеет готовить». Ждать, пока прогорит, тоже было нельзя: это могло занять до утра.

Я взяла медную ложку, зачерпнула и поднесла ко рту. Огонь ткнулся мне в губы, я зажмурилась, ожидая боли, и ничего не почувствовала. Было очень горячо, перец ударил в нос так, что слёзы выступили сами, но кожа осталась целой. Я проглотила. Пламя на тарелке на секунду стало ниже.

Я посмотрела на Северина. Он глядел в свою тарелку и очень медленно выдыхал через нос.

— Северин, — леди Ингрид отложила ложку.

— Да, мама?

— Ты дышишь.

— Сквозняк, мама.

— В этом доме нет сквозняков, — ледяным тоном заметила мать. — Я его строила.

— Значит, это из нижнего города дует, — как ни в чём не бывало объяснил Северин. — Госпожа Вейс принесла.

Гуннхильд захохотала второй раз. Я ела суп. Он был невероятно вкусный, и это злило меня сильнее всего: хвалить еду бабушкины правила не запрещали, но делать это мне не хотелось из принципа.

На второе подали мясо, тушённое с красным перцем, который у драконов называется «слёзы вдовы». Огня на мясе не было, зато казалось, что я проглотила его целиком, вместе с поленом. На третье принесли что-то зелёное и такое же острое, что Ларс назвал «салат», а Гуннхильд «закуска для детей». Я съела всё. Под хлопковой подкладкой по спине у меня текло, очки запотели, и я сняла их и положила рядом с тарелкой. Воротничок держался. Жози была гением.

На середине «закуски для детей» Гордон тихо подтолкнул ко мне через стол высокий стакан. Там была вода. Ледяная, судя по каплям на стекле, с долькой лимона.

— Пейте, — одними губами шепнул он и подмигнул. — Тётушка не смотрит.

Я протянула к стакану руку. Горло у меня было как печная труба, и вода казалась самым прекрасным, что я видела в жизни, лучше любой сошедшейся пары. Пальцы почти коснулись стекла.

«Воды не просить».

Я и не просила. Но если возьму, кто станет разбираться, сама или мне подали? Я убрала руку на колени.

— Спасибо, — ответила я. — Мне не хочется пить.

Хорошо, что колокольчик остался на Сиреневой улице.

Гордон тут же отдёрнул стакан и хлопнул себя по лбу.

— Ох, я болван. Я забыл про воду. Простите, госпожа Вейс, я хотел как лучше. Тётушка бы вас за этот стакан съела вместо десерта.

— Я бы её не съела, — леди Ингрид даже не обернулась; я и не подозревала, что она всё видит. — Я бы её отправила домой. Это хуже. Гордон, перестань помогать.

— Молчу, тётушка, — покаянно отозвался Гордон.

Северин рядом со мной не проронил ни слова. Он не сводил глаз со стакана, отставленного Гордоном к своему прибору, пока стекло не обсохло.

* * *

Три вопроса леди Ингрид задала перед десертом.

Слуги унесли тарелки, Гуннхильд потребовала ещё перцу, Ларс тайком записывал что-то в книжечку под столом, и я подозревала, что про «слёзы вдовы» и «кровь». Леди Ингрид сложила руки перед собой, так что перстни легли в ряд.

— Вопрос первый, милочка. Сколько вам платит мой сын?

— Тысячу двести союзов. Вдвое, если печать загорится золотом. Договор зарегистрирован в Палате союзов, вы можете его прочитать. Кодекс, статья тридцать вторая: гонорар свахи не тайна для семьи клиента.

— Дорого для свахи, — протянула леди Ингрид.

— Дешевле, чем клан.

Гордон засмеялся и зааплодировал, беззвучно, кончиками пальцев.

Леди Ингрид не обратила на него никакого внимания.

— Вопрос второй. Почему вы не замужем?

Я этого ждала. К этому я готовилась с утра, сочиняла ответы за чаем, в карете под Ларсовы стихи и даже, кажется, во сне. Ни один не годился.

— Кодекс, статья двенадцатая. Сваха не вправе вступать в брак с лицом из своей картотеки. Все неженатые мужчины Арвена рано или поздно попадают ко мне в ящики. Выходит, мне не за кого.

— ХА! — Гуннхильд стукнула ладонью по столу. — ХА! ЛУКРЕЦИЯ ГОВОРИЛА ТО ЖЕ САМОЕ! СЛОВО В СЛОВО!

Леди Ингрид посмотрела на тётку, потом на меня. Она промолчала, но что-то в её лице сдвинулось, как сдвигается засов, который ещё не открыли, но уже тронули.

Северин рядом со мной взял бокал, посмотрел в него и поставил, не отпив.

— Вопрос третий. Вы верите в любовь?

За столом стало тихо. Даже Гуннхильд, не разбиравшая половины слов, уловила эту тишину и замолчала, держа над тарелкой перечницу.

— Нет. Я верю в совместимость.

— Это правда? — уточнила леди Ингрид.

— Таков мой ответ.

— Это не одно и то же, милочка.

— Колокольчик остался в конторе, — напомнила я. — Вам придётся поверить свахе на слово. Как я — матерям.

Леди Ингрид смотрела на меня долго. Потом её губы сложились в усмешку, короткую и острую, как росчерк пера.

— Мой свёкор тоже уверял, что верит в договоры. Тридцать лет подряд. Потом пришёл к вашей бабке и попросил женщину, которая не испугается. Подайте десерт.

Десерт был пирог с вишней, облитый крепким вином и подожжённый на блюде. Слуга поставил его прямо передо мной, пламя взметнулось на локоть, и одна искра, крупная, жёлтая, прыгнула на мой рукав. Шерсть установленного образца затлела с запахом палёной овцы.

Я не успела даже испугаться. Северин протянул руку и взял меня за запястье, накрыв тлеющее место пальцами, и подержал. Секунду. Две. Когда он убрал ладонь, на сером рукаве осталась коричневая подпалина размером с монетку, и больше ничего. Запястье потом горело ещё долго, дольше, чем могло бы от искры.

— Не хвалите десерт, — едва слышно предупредил он. — Мама будет ревновать.

Я съела пирог. Весь.

Когда леди Ингрид поднялась из-за стола, часы на каминной полке пробили десять. Она обошла его кругом, остановилась возле меня, и я тоже встала, потому что теперь было можно, и ноги оказались чужими, ватными, как после долгой дороги. Леди Ингрид вынула из рукава что-то маленькое и блестящее и положила мне на ладонь.

Это была чешуйка. Медная, размером с ноготь, тёплая, на тонком шнурке.

— Знак очага. С ним вас пустят в этот дом с любой невестой, и ни один слуга не спросит, кто вы. Не потеряйте. Я их не раздаю.

— Я не потеряю, — пообещала я.

— И не обольщайтесь, — леди Ингрид поджала губы. — Я всё ещё против. Но вы выдержали. Последней, кто высидел за этим столом всю перемену блюд без воды, была Тильда, швея из Нижнего порта. Восемьдесят лет назад.

— ОНА ТОЖЕ БЫЛА ТОЩАЯ, — сообщила Гуннхильд всему дому.

* * *

Карету Северин отпустил у ворот.

— Пройдёмся. Вам нужно остыть. Мне тоже.

Я хотела возразить, что до Сиреневой улицы час пешком, если не больше, и что порядочные свахи не гуляют с клиентами по тёмному городу, Кодекс, статья не помню какая. Но ночной воздух после столовой Хорнов был как глоток той самой воды, которую я не выпила, и я пошла.

Медный холм спускался к реке широкими улицами, на которых в этот час не было никого, кроме фонарщиков. Особняки стояли далеко друг от друга, в садах, и из окон пахло каминным дымом и жареным мясом: у драконов ужинают поздно. Ниже, у моста, начинались переулки, тянуло рекой и сиренью, которая давно отцвела, а дух её почему-то остался.

Минут десять мы шли молча. Потом он нарушил тишину:

— Вы солгали.

— Когда же?

— На третьем вопросе. Когда ответили, что не верите в любовь.

— Я и не верю, — подтвердила я. — Любовь — это смесь хорошей погоды, недосыпа и общего врага. Она проходит за три года, если её не подпирать.

— Это я знаю. Солгали вы про совместимость. В неё вы тоже не верите, вы на неё надеетесь. Это другое.

Я остановилась прямо под фонарём.

— Господин Хорн. Я пятый год веду контору. Ни одна моя пара не развелась.

— Потому что они подписали договор и боятся штрафа, — хмыкнул он.

— Они живут вместе, потому что у них одинаковое отношение к деньгам, к родне и к храпу! — вспыхнула я.

— Значит, это соглашение о храпе. Хорошее. Я бы подписал. Только не называйте его иначе.

— Я никак его не называю. Это вы считаете, что любовь существует, только не для вас.

— Я считаю, что её нет вообще, — отрезал он. — Люди изобрели это слово, чтобы оправдывать плохие сделки. А вы завели Таблицу, чтобы заключать хорошие и не признаваться, что вы торговец.

— А вы женитесь по завещанию, потому что так проще, чем по желанию! — бросила я.

— Безусловно, — он даже не моргнул. — А вы сватаете других, потому что это безопаснее, чем самой.

Мы стояли под фонарём и смотрели друг на друга. Я сдвинула очки на лоб, потому что сквозь стёкла он казался ближе, чем мне хотелось. Кулаки у меня сжались сами. Глаза у него были жёлтые, как свет над нами, и зрачок вытянулся в нитку, но не так, как при матери. Иначе.

Мы оба считали, что любви нет. В этом и была беда: препираться с тем, кто думает так же, как ты, но делает другие выводы, в тысячу раз труднее, чем с несогласным. С мамой я могла ругаться часами и уходить спокойной: она верила в любовь и была неправа, всё ясно. С ним я не понимала ничего.

— У вас цветок завял, — заметил он вдруг.

Я опустила глаза. Жасмин Гордона на моём воротничке действительно поник и побурел по краям. Очаг Хорнов был ему не по силам.

Северин смотрел куда-то поверх моей головы.

— Гордон дарит цветы всем. Мамины кухарки ходят с жасмином по праздникам.

— Вы ревнуете? — не удержалась я.

— Драконы ревнивы к имуществу.

— Значит, я ваша собственность?

— Вы мой подрядчик, — невозмутимо поправил он. — По договору. С печатью.

Я засмеялась. Не хотела, само вышло, громко, на всю пустую улицу, так что в окне ближнего дома отодвинулась занавеска. Северин смотрел на меня с каменным лицом, только левая бровь у него поползла вверх и вернулась на место не сразу, а с остановками, как человек, спускающийся по скрипучей лестнице.

Остаток дороги мы спорили. О том, может ли совместимость считаться разновидностью любви (нет, по-моему; да, по его мнению, только трусливой). О том, нужна ли вообще брачная печать, если её нельзя обмануть (да, считал он, потому что это единственный честный свидетель на свадьбе; нет, уверяла я, потому что удачная пара и без неё знает, что она хорошая, и тут же поняла, что сморозила глупость, а он заметил это ещё раньше). О том, кто хуже: светлые эльфы, которые отказывают поэмой, или гномы, которые выставляют счёт. Мы прошли мост, рыночную площадь, бульвар Белых лип, где в витрине Корро до сих пор горели звёзды из фольги, и свернули на Сиреневую.

У двери конторы он остановился.

— Завтра эльфийка.

— В полдень. У вас в доме. Теперь мне можно приводить, у меня знак очага.

— Она будет говорить стихами? — поинтересовался он.

— Если вы ей не подойдёте.

— Тогда я постараюсь ей не понравиться. Хочу послушать.

— Это непрофессионально, — буркнула я.

— Я не сваха. Я жених.

Он поклонился коротко, по-драконьи, наклонив только голову, и ушёл вверх по улице. Я стояла на крыльце и смотрела ему вслед, хотя видеть было уже некого, и злилась. На него, на себя, на очаг, на суп, на стакан с водой, на собственную руку, которая ещё помнила, как её держали за запястье. Так сердито мне давно не бывало, и это почему-то нравилось.

В приёмной горела лампа, которую я оставила, уходя. Бабушка сидела в раме, обмахиваясь веером, и вид у неё был такой, будто она весь вечер провела у окна и не скрывает этого.

— Ну, рассказывай, — потребовала она.

— Я высидела. — Я показала ей медную чешуйку на шнурке. — Ингрид дала знак очага.

— Сама Ингрид! — бабушка расцвела. — А Северин?

— Северин проводил меня до двери, как положено по договору. Мы обсудили завтрашние смотрины. — Я сняла с воротничка увядший жасмин, повертела в пальцах и, подумав, бросила в корзину для бумаг. — Было очень скучно.

Колокольчик над моим столом ударил так, что сорвался с крючка, стукнулся о край столешницы и покатился по паркету, продолжая звенеть на ходу, пока не уткнулся в ножку кресла для клиентов. Там он ещё немного подребезжал, лёжа на боку, для верности. Купидон в клетке проснулся, вытащил голову из-под крыла и посмотрел сначала на колокольчик, потом на меня, с глубоким голубиным презрением.

Бабушка промолчала. Она закрыла лицо веером, и веер тихо трясся.

Я подняла колокольчик, повесила его обратно на крючок и высказала ему всё, что думаю о гильдейских артефактах, по Кодексу и без. Он выслушал молча. Потом я ушла наверх, не зажигая свечи. Седьмая ступенька скрипнула, и мне показалось, что и она смеётся.

Глава 7. Невеста № 1, эльфийка

Отказ, изложенный менее чем в тридцати строфах, приравнивается к пощёчине. Отказ длиной более пятидесяти строф считается согласием и толкуется в пользу жениха.

«О должном и подобающем», свод этикета светлых эльфов, том четвёртый, глава «Об отказах»

Условия леди Эсмель принесли в восемь утра, на ленте.

Шёлковая, бледно-зелёная, шириной в ладонь, она была намотана на серебряную катушку, как нитки у Жози. Принесла её дуэнья невесты, госпожа Ниэллин, светлая эльфийка неопределённого возраста, по моим прикидкам, где-то между пятьюстами годами и вечностью. Она вошла в приёмную, не касаясь ногами пола, что у светлых эльфов считается признаком хорошего воспитания, а у гномов означает, что гость не собирается платить за чистку ковра. Гримбальд проводил её взглядом из-за ширмы и молча записал что-то в книгу.

Голос у госпожи Ниэллин был похож на звук ложечки в хрустальном бокале.

— Тридцать одно условие. Дева Эсмель из дома Утренней Росы снисходит до смотрин с драконом лишь при их исполнении.

Я взяла катушку и начала разматывать. Купидон, с вечера бывший не в духе, слетел с клетки, схватил свободный конец клювом и потянул в другую сторону. Дуэнья посмотрела на него, как смотрят на пятно на скатерти. Купидону это было безразлично: он кусал даже Гильдию.

Условия были выведены изящной вязью, каждое начиналось с заглавной буквы в виде листа. Первые десять касались одежды (светлый наряд, без металла на поясе, перчатки снять до приветствия, надеть после), следующие пять — знакомства (жених обязан обратиться к деве тремя строками, в каждой из которых есть название дерева). С шестнадцатого по двадцатое речь шла о том, чем деву можно угощать: росой, лепестками, мёдом диких пчёл и хлебом, испечённым без огня.

— Без огня? — переспросила я.

— На солнечном камне. Это занимает три дня.

— Смотрины в полдень, — возразила я.

— Значит, пекари дома Хорнов должны были начать позавчера, — невозмутимо ответила дуэнья.

Двадцать первое условие было главным. Буквы в нём были крупнее остальных, а строку обводила тонкая серебряная рамка: «В присутствии девы не должно гореть открытого пламени».

Я подняла глаза.

— Госпожа Ниэллин, смотрины пройдут в доме дракона. У Хорнов камин в каждой комнате, в столовой очаг размером с вашу карету. Пламя у драконов не гасят. Никогда. Задуть очаг при госте значит объявить ему, что в семье покойник.

— А разжечь огонь при светлой деве значит напомнить ей о Пепельном лете, — не уступила дуэнья. — Предпоследний год Долгой войны. Медные драконы жгли кромку Светлого леса три дня и три ночи. Мой прадед был там.

Я записала в блокнот «Пепельное лето» и подчеркнула. Бабушка в раме над картотекой перестала делать вид, что спит, и подняла лорнет.

— Восемьдесят лет мира, — осторожно напомнила я.

— Для эльфа это всё равно что для вас прошлый четверг.

Мы договаривались до половины одиннадцатого.

Ларс, присланный ко мне связным, за это время дважды съездил на Медный холм и обратно. Первый раз он вернулся с ответом леди Ингрид: «Очаг Хорнов не гас со дня

постройки и не остынет ради девицы, которая ест лепестки». Второй раз он привёз записку Северина, которую я перечитала трижды, прежде чем поняла, что это не шутка: «Огонь можно закрыть. Погасить нельзя. В кладовой у тётушки Гуннхильд есть каминный экран, который вышивала моя бабка. На нём лес. Надеюсь, эльфов он устроит».

Госпожа Ниэллин прочла записку через моё плечо.

— Лес? Какой именно?

— Ларс, что там вышито? — окликнула я.

Ларс покраснел ушами.

— Берёзы. И, кажется, олень. Он немного похож на корову. Бабушка Северина вышивала полвека, а живность у неё всё равно выходила домашней. Дед считал, что так даже уютнее.

Госпожа Ниэллин закрыла глаза, как человек, который считает до ста.

— Берёзы допустимы, — наконец постановила она. — Корову дева не увидит, если сядет к ней спиной.

Я вписала в журнал: «Эсмель. Смотрины в полдень. Очаг за экраном. Корова за спиной». Гримбальд заглянул через плечо и объявил, что более непроизводительной записи не видел за сорок лет.

— Двадцать пять, — добавил он. — Это я так. Для порядка.

* * *

Леди Эсмель была красивая. Про иных людей в анкете пишешь «внешность приятная». Про светлых эльфиек тянет вывести коротко: «да».

Волосы у неё были серебряные, гладкие, до колен, собранные в одну косу с вплетёнными листьями. Лицо узкое, прозрачное, с той особой бледностью, которая бывает у фарфора, если поставить его против окна. Глаза зелёные, светлые, как молодой побег на просвет. На смотрины она пришла в семи слоях шёлка, по числу добродетелей девы, и каждый слой был своего оттенка, от белого до цвета мяты. Я посчитала. Работа у меня такая.

Ей было двести девять лет, что для светлой эльфийки означало примерно то же, что для меня мои двадцать семь: уже не девочка, ещё не старая дева, и вся родня считает своим долгом об этом напоминать. В её анкете на вопрос «почему вы ищете брака вне своего народа» было написано: «Хочу, чтобы помолвка длилась меньше пятидесяти лет». Колокольчик, когда она это говорила, промолчал. Я тогда впервые подумала, что светлые эльфы, возможно, тоже бывают людьми.

Мы вошли в малую гостиную особняка Хорнов ровно в полдень: впереди госпожа Ниэллин, за ней невеста, за ней я с медной чешуйкой на шнурке поверх воротничка. Слуга в холле увидел знак, поклонился и не спросил, кто я такая. Леди Ингрид не соврала.

Скромной эта комната считалась только по меркам Хорнов: в ней можно было устроить бал на пятьдесят пар. Камин у дальней стены закрывал экран, огромный, в человеческий рост, из тёмного дерева, обтянутый вышивкой: берёзы, трава, ручей, а посреди всего этого корова с рогами, на которой бабушка Северина, видимо, всю жизнь пыталась вышить оленя. Она смотрела прямо на вошедших, кротко и с пониманием.

Из-за экрана шло тепло, ровное, тяжёлое, как от нагретой стены.

Северин стоял у окна. Он был в светлом, впервые на моей памяти: сюртук цвета топлёного молока, без пояса, без металла. Ему это не шло совершенно. Он выглядел как медный подсвечник, который кто-то по ошибке завернул в салфетку. Перчатки он не снял.

Рядом стояла леди Ингрид, вся в красном, назло двадцать первому условию, и на её лице было написано, что если кто-нибудь заикнётся о том, что бархат тоже напоминает пламя, она съест этого кого-нибудь, не погасив очага.

— Дева Эсмель из дома Утренней Росы, — объявила госпожа Ниэллин. — Снисходит.

Северин снял перчатки, положил их на подоконник и поклонился. Потом выпрямился, посмотрел на невесту и ровным голосом, каким, наверное, зачитывал в Совете по налогам годовой отчёт, начал:

— Приветствую вас, как дуб приветствует рассвет.

Как ясень ждёт дождя, я ждал ответа.

Под сенью лип…

Пауза вышла совсем короткая.

— Простите, у меня кончились деревья.

Госпожа Ниэллин застыла. Леди Ингрид закрыла глаза. Я впилась ногтями в собственную ладонь.

Эсмель смотрела на него секунду, две. Потом опустила ресницы и впервые за всё утро заговорила не через дуэнью, а сама, тонким, очень серьёзным голосом:

— Липа тоже дерево. Три дерева. Приветствие засчитано.

Госпожа Ниэллин раскрыла маленький томик в зелёном переплёте, который носила на цепочке у пояса, пролистала и нашла нужное место.

— Принято. Последняя строка является… комментарием автора. Такое в приветствии допустимо, том третий, страница сорок.

Я выдохнула. Северин надел перчатки. По его лицу нельзя было понять ничего, но, проходя мимо меня к столу, он почти не разжимая губ обронил:

— Я зубрил их два часа.

— Названия деревьев? — шепнула я.

— Их я знал и так. Рифму.

* * *

За стол сели в половине первого. Его поставили так, чтобы невеста сидела спиной к экрану с коровой, а значит, и к камину. Это была моя ошибка. Я поняла это потом, а в ту минуту считала, что всё продумала.

На столе стояли роса в хрустальных напёрстках, лепестки шиповника в мёде и хлеб, испечённый без огня. Он был плоский, бледный и твёрдый, как подмётка: пекари Хорнов начали его, как выяснилось, вчера вечером, а солнце в Арвене последние два дня светило плохо. Для остальных подали жаркое, причём не горящее, что для драконьего дома было большой уступкой. Тётушку Гуннхильд, к моему облегчению, к обеду не позвали, сославшись на мигрень. Я подозревала, что так назвали её голос.

Разговор шёл по тому четвёртому, через дуэнью. Северин задавал вопрос, госпожа Ниэллин передавала его невесте, хотя та сидела в двух шагах, Эсмель отвечала, и ответ тем же кружным путём возвращался к жениху. Выходило медленно, но, к моему удивлению, хорошо.

— Спросите деву, читает ли она что-нибудь, кроме этикета, — попросил Северин.

Через минуту ответ вернулся:

— Дева читает трактаты о звёздах и записки путешественников и спрашивает, бывал ли жених за Ледяным хребтом.

— Бывал. Дважды. Там очень холодно, и все врут о размерах рыбы.

Эсмель, не дожидаясь, пока дуэнья передаст, тихо засмеялась.

Я сидела сбоку, как полагается свахе, с блокнотом на коленях, и ставила галочки. Графа 22, «любознательность»: совпадение. Графа 52, «юмор»: у него сухой, у неё тихий, но смеётся она там, где надо. Графа 63, «отношение к путешествиям»: оба любят, оба ненавидят дорожную пыль. Шестьдесят четыре процента складывались на моих глазах в нечто вполне приличное, и я ощутила то тёплое удовольствие, которое бывает, когда графы встают на место. Только почему-то с кислинкой, как недозрелое яблоко. Я списала это на жаркое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.